АНДРЕЙ ФОКИН

ПОКА МЫ ЕЩЁ ЖИВЫ

роман

Андрей Фокин

Пока мы ещё живы

«Автор»
2026

Фокин А.

Пока мы ещё живы / А. Фокин — «Автор», 2026

ПОКА МЫ ЕЩЁ ЖИВЫАндрей ФокинМожно ли начать жизнь заново, когда тебе уже сорок? Когда за плечами двадцать лет брака, дети, привычная работа и прошлое, которое, казалось бы, давно осталось позади?Лев Руднев привык быть надёжным человеком: мужем, отцом, руководителем. Он умеет принимать сложные решения, отвечать за других и справляться с чужими проблемами. Но одна случайная встреча заставляет его задуматься о том, чего ему самому не хватает.Постепенно в его жизни появляются чувства, к которым он не был готов, непростые решения, испытания на работе и правда о собственном отце, способная изменить всё, во что он верил.Это история о любви и ответственности, семейных тайнах, взрослении, которое не заканчивается с годами, и мужестве быть честным с собой.Потому что жизнь не начинается после того, как всё наладится. Она уже идёт. Пока мы ещё живы.

© Фокин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
ГЛАВА 1 Три тетради 6
ГЛАВА 2 Доброе утро 10
ГЛАВА 3 Перьевая ручка 19
ГЛАВА 4 Первый человек 25
ГЛАВА 5 Роза 33
ГЛАВА 6 То, о чём не спрашивают 42
ГЛАВА 7 Граница 49
ГЛАВА 8 Дорога 56
ГЛАВА 9 Подпись 63
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Андрей Фокин
Пока мы ещё живы

От автора

Все имена, персонажи, места, профессии и обстоятельства в этой книге художественно переосмыслены. Мещерск — вымышленный промышленный город Центральной России; организации и отдельные биографические детали также созданы для романа. Это не документальная хроника и не попытка рассказать чью-либо биографию. Любые совпадения могут быть случайными — или теми совпадениями, которые возникают потому, что любовь, одиночество, ответственность, страх перемен и желание быть услышанным знакомы очень многим.

Эта история вымышлена. Но чувства в ней настоящие настолько, насколько настоящими бывают наши собственные воспоминания. Возможно, в какой-то момент она напомнит вам человека, которого вы когда-то любили, слова, которые не сказали, или жизнь, которую ещё не поздно прожить.

ГЛАВА 1 Три тетради

В пятнадцать лет Лев сжёг всё, что когда-либо написал о любви. Это заняло меньше двадцати минут: три толстые тетради, почти два года жизни, несколько сотен страниц и одна девочка, которая когда-то обещала, что расстояние ничего не изменит. Оказалось, бумага горит быстрее обещаний.

Ещё утром эти тетради лежали у него в рюкзаке. Лев приехал к Кире во Владимир ранним поездом, как приезжал уже несколько раз после её переезда. От Мещерска дорога занимала чуть больше двух часов. В прошлые визиты они считали время до обратного поезда и придумывали, когда увидятся снова. В этот раз Кира встретила его у вокзала без привычного разбега и объятия. Просто улыбнулась и сказала:

— Привет.

— Привет.

Они пошли по знакомой дороге от вокзала к Клязьме. Город, который раньше казался Льву чужим, успел стать частью их истории: здесь они ели мороженое в холодный день, здесь прятались от дождя под козырьком книжного магазина, здесь однажды спорили, можно ли скучать по человеку ещё до того, как он уехал. В тот день всё выглядело так же, только Кира всё время смотрела куда-то мимо него.

— Ты какая-то не такая, — сказал Лев.

— Какая?

— Далеко.

— Я рядом.

— Не в этом смысле.

Она остановилась у воды. Ей тоже было пятнадцать, но в ту минуту она пыталась говорить как взрослая.

— Нам нужно перестать делать вид, что всё будет как раньше.

— Почему не будет?

— Потому что здесь у меня другая жизнь. Лицей, новые люди, планы. Ты приезжаешь, потом уезжаешь, и всё снова начинается сначала.

— Я могу приезжать чаще.

— Лев…

— Что?

— Ты всё ещё живёшь тренировками, друзьями, сегодняшним днём. Я хочу учиться дальше. Я не знаю, где буду через два года. И не хочу обещать тебе то, в чём сама уже не уверена.

Он услышал не всё. В пятнадцать лет человек плохо умеет отделять смысл от боли.

— Там кто-то есть?

— Нет.

— Только не ври.

— Там есть мальчики. Девочки. Новые друзья. Целый новый мир. Но дело не в одном человеке.

— Тогда в чём?

— В том, что я больше не вижу продолжения.

Эта фраза оказалась самой тяжёлой. Не «я не люблю». Не «у меня другой». Просто — не вижу продолжения. Будто их историю закрыли не потому, что она была плохой, а потому, что закончилась дорога.

Они ещё несколько часов ходили по городу. Купили по булочке, сидели на лавке, даже смеялись. Лев запоминал её лицо и ненавидел себя за то, что запоминает. У вечернего поезда Кира обняла его первой.

— Не злись на меня.

— Я не злюсь.

Он соврал.

— Ты хороший.

— Это обычно говорят перед тем, как от человека уходят.

Она грустно улыбнулась.

— Тогда ты ещё и умный.

Двери вагона закрылись. Кира осталась на платформе, а Лев смотрел на неё через стекло, пока перрон не ушёл назад и за окном не потянулись тёмные дачные станции. В дороге до Мещерска он ни разу не открыл тетради.

• • •

Поздно вечером он ушёл к старому теннисному корту неподалёку от дома. Ветер несколько раз пытался задуть огонь, словно давал ему возможность передумать. Лев не передумал. На обложке первой тетради ещё можно было разобрать нарисованную чёрной ручкой букву «К». Он бросил сверху несколько страниц, и огонь ожил.

Я буду ждать тебя.

Мне всё равно, сколько между нами километров.

Когда-нибудь мы будем смеяться над тем, как тяжело нам сейчас.

В пятнадцать лет человек удивительно хорошо знает, что будет «когда-нибудь». Лев достал вторую тетрадь. Там было больше стихов, несколько неотправленных писем, билет с их первого концерта, высохший маленький цветок и фотография, на которой Кира щурилась от солнца, а он смотрел не в объектив, а на неё. Он задержал фотографию в руках и положил её в огонь.

— Всё, — сказал он вслух.

Никто не ответил. За сеткой кто-то продолжал играть, машины ехали по улице, в окнах зажигался свет. Мир обладал почти оскорбительной способностью продолжаться, когда тебе кажется, что он обязан хотя бы ненадолго остановиться.

Третью тетрадь Лев открывал дольше всего. Отец однажды сказал ему, что мужчина должен уметь выбрасывать ненужное. Отец много чего говорил: как работать, как держать слово, как не жаловаться. Некоторые свои уроки он преподавал, едва удерживаясь на ногах. С четырнадцати он брал Льва на подработки, и это было, наверное, лучшее, что сумел ему дать: привычку не бояться труда и очень ясное представление о том, каким мужчиной Лев никогда не хотел стать.

Алкоголизм отца долго казался Льву каким-то семейным позором, за который почему-то стыдно именно ему. Он следил за голосом отца, за шагами в коридоре, за лицом матери и слишком рано решил, что обязан удерживать дом от распада. В четырнадцать лет он сказал матери:

— Мам, разведись с ним.

— А если ты потом будешь меня ненавидеть?

— Я тебя никогда не буду ненавидеть.

Она заплакала. Он — нет. Лев тогда решил, что кто-то в доме должен не плакать. На много лет ответственность стала для него почти религией: за мать, за жену, за детей, за работу, за чужие ошибки. Только к тридцати пяти, после десятков книг по психологии и саморазвитию, он наконец понял простую вещь: человек отвечает не за весь мир, а за то, что действительно находится в пределах его возможностей. Понимание пришло быстро. Привычка жить иначе — гораздо медленнее.

На первой странице третьей тетради было написано: «Кира». Ниже: «Если однажды я напишу книгу, ты будешь знать, с кого всё началось».

Лев усмехнулся. Обещание написать книгу появилось чуть раньше, в школе. Учительница литературы Лидия Павловна Вершинина знала его прежде всего как спортсмена: теннис, школьные соревнования, вечные тренировки. Однажды после урока Лев неожиданно заявил:

— Я когда-нибудь напишу книгу.

Она посмотрела на него и рассмеялась.

— Ты? Книгу?

— А что?

— Ничего. Просто к тому времени я, наверное, уже успею родить ребёнка.

— Тогда подарю первый экземпляр вам двоим.

— Договорились, писатель.

Лев не знал, сколько несбывшихся желаний скрывалось за её привычной иронией. В подростковом возрасте взрослые казались ему законченными историями, будто у них уже не могло быть ни сомнений, ни потерь, ни будущего, которое приходилось придумывать заново.

Лев вырвал страницу с именем Киры, поднёс её к огню и бросил туда последнюю тетрадь. Той ночью он решил, что больше не будет писать стихов и никогда больше не отдаст человеку столько себя, чтобы после его ухода пришлось собирать себя заново. В пятнадцать лет ему казалось, что это обещание касается литературы. Позже он поймёт: на самом деле он пытался запретить себе чувствовать слишком сильно.

• • •

Через год Кира снова появилась в его жизни. Они встретились в парке, купили дешёвое шампанское и два пластиковых стакана. Теперь между ними не было ни злости, ни надежды вернуть прошлое. Кира достала старый телефон и открыла его сообщения. Она сохранила их все.

— Какие же бабы дуры, — сказала она.

Лев рассмеялся. Она тоже.

Они сидели на лавке и понимали: нежность осталась, а времени, в котором их любовь могла состояться, больше нет. Это оказалось больнее любой ссоры. Позже Лев встретил Марину, рано женился, стал отцом. Кира несколько раз пыталась вернуться к общению, но он попросил больше не писать. Спустя несколько лет он узнал от общего знакомого: примерно в те дни, когда Кира снова пыталась с ним связаться, в её жизни случилась трагедия — убили близкого ей человека. Тогда Лев впервые подумал, что некоторые сообщения означают не «вернись ко мне», а всего лишь «побудь рядом, мне страшно». Он не понял этого вовремя.

• • •

Прошло двадцать шесть лет с той ночи у корта. Лев проснулся за минуту до будильника — за минуту до того, как привычная жизнь снова потребует от него быть собранным. Ему был сорок один. Мещерск за окном медленно выходил из ночи — большой промышленный город Центральной России, в двух с небольшим часах от Москвы. Старый центр спускался к широкой реке, липы темнели вдоль проспекта, а за новыми жилыми кварталами начиналась восточная промзона с цехами, железнодорожными ветками и трубами ТЭЦ. Мещерск не был открыткой, но Лев любил его за редкие минуты тишины до первого утреннего потока машин.

Рядом спала Марина. На краю кровати свернулся кот Тихон, считавший супружеское ложе своей собственностью и терпевший людей исключительно из уважения к отоплению.

— Извини, ваше величество, — прошептал Лев, пытаясь вытянуть ногу.

Тихон открыл один глаз и снова закрыл.

Двадцать три года брака. Двое детей. Дом. Машина. Кредит. Работа, к которой он шёл много лет. Пятьсот человек так или иначе зависели от его решений, а почти миллион пассажиров никогда не узнают его имени — и это означало, что свою работу он делает хорошо.

На кухне висел рисунок дочери: мама, папа, брат и она сама держались за руки под огромным жёлтым

солнцем.

Лев

посмотрел

на нарисованного себя.

— Тебе хорошо, — сказал он бумажному папе.

Дочь пришла за водой, сонная, с плюшевым кроликом, и сразу потянулась к нему. Лев поднял её на руки.

— Ты сегодня поздно?

— Постараюсь нет.

— Ты всегда так говоришь.

— Сегодня постараюсь сильнее.

Марина уже не спала.

— Во сколько будешь?

— Не знаю. Проверка.

— Возьми шарф. Вечером обещали ветер. И поешь нормально, а не опять одним кофе.

Когда-то за такими словами стояла та же забота, за которую он её любил: она могла всю ночь сидеть возле заболевшего ребёнка, помнить лекарства, документы, дни рождения и тысячу вещей, которые держат семью вместе. Но с годами нежность всё чаще превращалась в инструкции, а забота — в интонацию матери, которая знает, как ему правильно жить. Лев понимал, откуда это взялось, и всё равно скучал по простому утреннему поцелую. Он помнил, как Марина когда-то смеялась над его глупыми шутками; теперь чаще смеялся кто-то из детей. Лев не мог сказать, когда это изменилось, и не имел права свалить всё только на неё.

Он вышел из дома и поехал в центр. По дороге остановился у маленькой пекарни возле Старой площади. Кофе там был средний, зато круассаны действительно

хорошие.

Мещерск

уже просыпался: дворник сгребал мокрые листья к бордюру, у киоска разгружали газеты и воду, первые автобусы собирали людей с остановок.

Перед ним в очереди стояла женщина. Невысокая, стройная, в светлом пальто, с волосами ниже плеч. В руках она держала небольшую прозрачную бутылку с тёплой водой и мёдом, а у витрины выбирала круассан так внимательно, будто от него зависело утро.

Она повернула голову. Голубые глаза на мгновение встретились с его глазами. Лев вежливо кивнул. Она ответила тем же.

Ничего не произошло. Никто не заметил эту встречу, даже они сами. Только спустя годы Лев поймёт, что иногда жизнь меняет направление не с громкого события, а с почти незаметного взгляда в очереди за кофе.

ГЛАВА 2 Доброе утро

На следующий день её не было. Лев понял это только после того, как сделал заказ.

— Двойной эспрессо без сахара, — сказала девушка за стойкой.

— Я просил обычный.

— Вы всегда берёте двойной.

— Значит, сегодня решил начать новую жизнь.

Она посмотрела на него так, будто за свою смену не была обязана участвовать в чужом духовном перерождении.

— Переделать?

Лев посмотрел на стакан.

— Нет. Уже поздно.

Он расплатился и отошёл к окну. За стеклом Мещерск окончательно просыпался. У Старой площади открывали цветочный павильон, автобус выпустил на остановке десяток сонных людей, мужчина в рабочей куртке переходил дорогу с бумажным пакетом из пекарни, а девочка лет десяти тащила за собой мать и одновременно пыталась застегнуть рюкзак. Обычное утро. Лев отпил кофе. Слишком крепкий. Он посмотрел на дверь. Потом ещё раз. И только тогда понял, кого ищет. Это его развеселило. Женщину он видел один раз. Даже имени не знал. Голубые глаза, светлое пальто, волосы ниже плеч. Вот, собственно, и вся биография.

— Замечательно, Лев, — пробормотал он. — Сорок один год. Начал высматривать незнакомых женщин в булочных.

Парень за соседним столиком поднял голову. Лев сделал вид, что говорил по телефону.

• • •

К девяти утра мысль о незнакомке исчезла. У метрополитена были собственные способы возвращать человека к реальности. На столе Льва лежали три папки. Первая — восстановление составов. Вторая — предстоящая проверка. Третья — закупка комплектующих, поставка которых задерживалась уже восемь дней. Лев открыл первую. Красный маркер перечёркивал плановую дату. Общая просрочка по восстановлению составов приближалась к шести месяцам. Это уже переставало быть просто производственной проблемой. Составы не выходили на линию. Резерв уменьшался. Поставщики обещали. Рабочие злились. Руководство требовало объяснений. Объяснения никого не интересовали. Интересовал результат. Телефон зазвонил.

— Руднев.

— Лев, ты видел письмо?

Голос
начальника
управления
Вадима Сергеевича Крылова.

— Какое именно? Если то, где слово «срочно» написано три раза, видел.

— Очень смешно.

— Я стараюсь.

— Завтра комиссия.

— Знаю.

— Не просто наша. Из министерства.

Лев откинулся на спинку кресла.

— Этого я не знал.

— Теперь знаешь.

— Спасибо. Утро сразу стало значительно приятнее.

— Мне нужны четыре состава до конца месяца.

— Тебе нужны или министерству?

— Лев.

— Я уточняю степень невозможности задачи.

На другом конце повисла пауза. С Крыловым они работали достаточно давно, чтобы позволять себе разговаривать чуть честнее остальных.

— Сделай что-нибудь.

Лев посмотрел на папку. Фраза, которую руководителям говорят люди, когда сами уже не знают, что делать. Сделай что-нибудь.

— Сделаю.

— Я на тебя рассчитываю.

Звонок закончился. Лев ещё несколько секунд держал телефон в руке. Пятьсот человек. Каждый день кто-нибудь из них делал ошибку. Кто-то опаздывал. Кто-то ругался. Кто-то болел. Кто-то увольнялся. Кто-то работал за троих. Кто-то изображал работу за пятерых. Одни руководители считали задачей Льва заставить людей работать быстрее. Сам Лев считал иначе. Его работа состояла в том, чтобы пятьсот совершенно разных людей каким-то чудом двигались приблизительно в одном направлении. Иногда это получалось. Иногда хотелось закрыться в кабинете и выращивать кактусы. В дверь постучали.

— Да.

Вошёл начальник ремонтного участка.

— Есть пять минут?

— Четыре. Пятую минуту уже забронировало министерство.

— Опять?

— Теперь официально.

Тот выругался. Лев усмехнулся. Рабочий день начался.

В коридоре его догнал Игорь Серов, руководитель снабжения. Игорь работал рядом с ним третий год и умел приносить плохие новости так, будто одновременно уже держал в кармане половину решения.

— По тормозным блокам я продавца дожму сам, — сказал он.

— Уверен?

— Нет. Но если буду выглядеть уверенно, они испугаются раньше меня.

Лев хлопнул его по плечу.

— Вот за это я тебя и держу.

Игорь улыбнулся. Тогда Лев ещё не знал, что однажды доверие к Игорю обойдётся ему дороже любой сорванной поставки.

• • •

Через три утра она появилась снова. Лев вошёл в пекарню и увидел её сразу. Это ему не понравилось. Не сама женщина. То, что он увидел её сразу. Она сидела у окна и что-то читала в телефоне. Перед ней лежал круассан, а рядом стояла небольшая прозрачная бутылка с тёплой водой и мёдом. На ней был тёмно-синий плащ. Волосы сегодня были собраны. Лев сделал заказ и выбрал столик через один от неё. Не рядом. Он никогда не любил навязываться. Особенно людям, которых практически не знал. Через несколько минут она подняла голову. Узнала его. Улыбнулась. Совсем немного.

— Доброе утро.

— Доброе.

Всё. Она вернулась к телефону. Лев открыл рабочую почту. Ответил на два письма. Удалил рекламу. Снова посмотрел на её столик. Она уже смотрела на него. Оба одновременно отвели глаза. На этот раз он засмеялся первым. Она тоже.

— Мы с вами подозрительно часто завтракаем одновременно, — сказал он.

— Возможно, в городе один график работы на всех.

— Возможно.

Пауза.

— Хороший круассан?

Она посмотрела на него с преувеличенной серьёзностью.

— Пока проходит испытания.

— А вода с мёдом тоже часть эксперимента?

— Утренний ритуал. Кофе я почти не пью.

- Тогда вы подозрительно здоровый человек для этой пекарни. А я сюда за кофе забегаю. По дороге на работу удобно.

— Невероятно романтичная причина.

— А у вас?

Лев задумался.

— Здесь хорошие круассаны.

— Вы без круассана.

Он посмотрел на пустой стол перед собой.

— Сегодня контрольный день.

Она улыбнулась. И эта улыбка задержалась чуть дольше предыдущей. Лев вдруг заметил её глаза. Не просто голубые. Светлые, почти прозрачные у окна. Он поймал себя на том, что рассматривает незнакомую женщину, и сразу перевёл взгляд на улицу.

— Удачного дня, — сказала она, поднимаясь.

— Вам тоже.

Она накинула ремешок сумки на плечо.

— И не сорвитесь с диеты.

Лев посмотрел на неё.

— Какой диеты?

— Без круассанов.

Дверь закрылась. Он остался сидеть. Через несколько секунд положил телефон на стол.

— Очень смешно.

Но улыбался.

• • •

Они начали здороваться. Ничего больше. Иногда она приходила первой. Иногда он. Иногда они пересекались у самой двери. Иногда несколько дней не виделись. Лев не придавал этому значения. Во всяком случае, именно так он объяснял себе, почему однажды выбрал другой маршрут на работу только потому, что он проходил мимо Старой площади. Это было удобно. Почти. На три километра длиннее. Однажды он приехал слишком рано. Булочная только открывалась. Лев сел за крайний стол и начал читать отчёт. Через десять минут звякнул колокольчик. Он не поднял голову сразу. Почему-то не хотел выглядеть человеком, который ждал.

— Доброе утро.

Вот тогда поднял. Она стояла рядом.

— Доброе.

— Вы сегодня раньше.

— Совещание.

— У меня тоже.

Она села за соседний стол. Несколько минут они молчали. Лев читал. Она отвечала кому-то в телефоне. Это было удивительно комфортное молчание. Не то молчание, которое возникает, когда людям нечего сказать. А то, когда говорить необязательно. Лев давно такого не испытывал. Дома

тишина

всегда

что-то

означала. Недовольство. Усталость. Ожидание разговора. На работе тишина означала проблему. Если рабочий участок внезапно становился слишком тихим, стоило идти проверять оборудование. А здесь тишина была просто тишиной.

— Вы всё время работаете? — спросила она.

Лев поднял взгляд.

— Почти.

— Это плохо.

— Почему?

— Потому что когда человек всё время работает, он потом не понимает, что делать, когда не работает.

Он закрыл документ.

— Вы психолог?

— Нет.

— Тогда откуда диагноз?

— Наблюдение.

— Один-ноль.

Она снова улыбнулась.

— Чем вы занимаетесь?

— Метрополитен.

— Водите поезда?

Лев посмотрел на неё.

— Конечно.

— Правда?

— Нет.

Она рассмеялась. У неё был удивительно лёгкий смех. Без стремления привлечь внимание. Просто смех человека, которому действительно смешно.

— А жаль, — сказала она. — Я уже представила.

— Что именно?

— Вас в кабине.

— Почему вас так интересует моя профессиональная жизнь?

Она прищурилась.

— Это что, социальный опрос?

Лев замер на секунду. Потом рассмеялся.

— Кажется, это я должен был спросить.

— Вы начали первым.

— Хорошо. Сдаюсь.

Она сделала маленький победный глоток воды с мёдом.

— А вы? — спросил он.

— Что я?

— Чем занимаетесь?

— Цифрами.

— Очень подробно.

— Бухгалтерия.

— Соболезную.

— Спасибо.

— Любите?

Она пожала плечами.

— Я нормально к этому отношусь.

— Звучит как человек, который не собирается романтизировать бухгалтерию.

Лиза слегка подняла брови. И Лев сразу понял, что сказал лишнее.

— Простите.

— За что?

— Неудачная шутка.

Она некоторое время смотрела на него.

— Ничего. Бывает.

Но что-то изменилось. Совсем немного. Будто между ними на секунду открылась дверь, которую оба заметили и оба решили пока не трогать. Она посмотрела на часы.

— Мне пора.

— Конечно.

— Хорошего дня…

Она замолчала. Лев понял.

— Лев.

— Лиза.

Он повторил:

— Лиза.

Ей почему-то понравилось, как он произнёс имя. Это было видно.

— Хорошего дня, Лев.

— И тебе.

Она вышла. Через несколько секунд Лев нахмурился. Тебе. Не «вам». Он посмотрел вслед. Потом покачал головой.

— Сорок один год, — снова сообщил он самому себе.

• • •

Вечером дома Марина встретила его с тем выражением, которое появлялось у неё, когда за день накапливалось слишком много мелочей. Дочь отказалась есть овощи. Сын получил замечание в школе. Стиральная машина снова выдала ошибку. Банк прислал напоминание о платеже. Кот опрокинул цветок. Ничего катастрофического по отдельности — но к вечеру даже мелочи умели выстроиться в очередь и потребовать внимания одновременно. Лев вошёл именно в этот момент.

— Наконец-то.

Он снял пальто.

— Добрый вечер.

— Очень добрый.

— Что случилось?

— Ничего.

Универсальный ответ, означающий всё. Дочь выбежала из комнаты.

— Папа!

И обняла его за ноги. Лев наклонился, поднял её.

— Что случилось?

— Мама заставляет меня есть брокколи.

— Ужас.

— Вот именно.

— Немедленно вызываем полицию.

Она засмеялась. Марина посмотрела на него.

— Очень смешно. Потом сам будешь с ней сидеть, когда живот заболит.

— От отсутствия брокколи?

— Лев.

Он поставил дочь на пол.

— Иди мой руки.

Она убежала. Марина продолжала складывать вещи. Лев подошёл ближе.

— Тяжёлый день?

— Нормальный.

— Могу помочь.

— Уже не надо.

Он знал этот ответ. Марина не всегда умела просить прямо: за просьбой у неё часто пряталась претензия, за претензией — усталость, о которой никто не спрашивал. Это не делало её слова мягче, но помогало Льву понять, откуда они появлялись.

— Хорошо.

— Вот именно.

Лев выдохнул. Пошёл на кухню. Открыл холодильник. Несколько секунд стоял перед ним, хотя ничего не искал. В голове почему-то возник смех Лизы. Он сразу разозлился на себя. Не потому, что думать о другой женщине было запрещено. А потому, что контраст оказался слишком очевидным. Там — женщина, с которой он разговаривал меньше часа за всю жизнь, и после этих разговоров почему-то становилось легче. Здесь — человек, с которым прожито больше двадцати лет, и почти каждая фраза требовала осторожности. Это было несправедливо. По отношению к Марине прежде всего. Нельзя сравнивать утренний кофе с жизнью. Короткий разговор — с двумя детьми. Чужую улыбку — с ипотекой, болезнями, школой, усталостью, счетами, годами. Лев это прекрасно понимал. И всё равно сравнил. Он достал бутылку вина. Посмотрел на неё. Потом поставил обратно.

— Пап!

— Иду.

• • •

Следующие две недели они с Лизой виделись почти каждое утро. Иногда говорили пять минут, иногда только здоровались. Лев постепенно узнавал маленькие вещи: кофе она почти не пила, утром предпочитала тёплую воду с мёдом, днём — чай; ела мало, но хороший круассан считала достаточной причиной нарушить любые правила. Алкоголь в её жизни появлялся редко и без особого интереса. Она не переносила людей, которые разговаривали по громкой связи в общественных местах. У неё было двое детей. Это выяснилось случайно, когда на её телефоне появился звонок.

— Да, мой хороший… Нет… Скажи брату, чтобы не трогал… Нет, не разрешаю… Потому что я мама и могу иногда пользоваться властью.

Она закончила разговор. Лев улыбался.

— Что?

— Ничего.

— Говори.

— Ты сейчас совершенно другим голосом разговаривала.

— Каким?

— Маминым.

— Это диагноз?

— Наблюдение.

Она прищурилась.

— Украл мою фразу.

— Не доказано.

О своих детях он рассказал в тот же день. Сначала о дочери. Потом о сыне. Незаметно разговор затянулся на сорок минут. Лев опоздал на совещание впервые за несколько лет.

— Простите, — сказал он, входя в переговорную.

Все посмотрели на часы. Крылов особенно внимательно.

— Ты опоздал.

— Вижу.

— Что случилось?

Лев сел.

— Кофе.

— Что?

— Длинная история.

Это была неправда. История пока была совсем короткой.

• • •

Однажды Лиза пришла расстроенной. Она пыталась это скрыть. Лев заметил. Не спросил сразу. Они сидели за привычными столиками. Лиза крутила чашку между ладонями. Почти не пила.

— Всё нормально? — наконец спросил он.

— Да.

Он кивнул. И вернулся к телефону. Она посмотрела на него.

— И всё?

— А что?

— Обычно люди после слова «да» спрашивают ещё раз.

— Зачем?

— Чтобы человек сказал правду.

— Если захочешь — сама скажешь.

Она долго молчала.

— Ты странный.

— Мне говорили.

— Тебе правда не интересно?

Лев убрал телефон.

— Очень интересно. Но это твоя жизнь. Я не люблю выламывать двери.

Что-то в её лице изменилось. Не улыбка. Мягче.

— Я поругалась с сестрой.

— Серьёзно?

— Нет. Поэтому и глупо.

— Иногда из-за несерьёзных вещей люди ругаются серьёзнее всего.

Лиза кивнула. И начала рассказывать. Про сестру. Потом неожиданно про мать. Про детство. Про то, как рано пришлось взрослеть. Не подробно. Отдельными фразами. Лев не задавал лишних вопросов. В какой-то момент она сказала:

— Папа ушёл, когда я была маленькой.

Он посмотрел на неё.

— Извини.

— За что? Ты же его не выгонял.

— Это точно.

Она улыбнулась.

— Он был… сложным.

Лев услышал это слово и понял, сколько всего можно спрятать в одном прилагательном.

— Ты с ним общаешься?

— Нет.

— Совсем?

— И не хочу.

Лев кивнул.

— Нормально?

— Что?

— Что я не хочу.

— Почему это должно быть ненормально?

Она пожала плечами.

— Обычно начинают говорить: отец есть отец, надо прощать, жизнь одна.

— Жизнь действительно одна.

— И?

— Поэтому особенно жалко тратить её на людей только потому, что они когда-то участвовали в твоём рождении.

Она посмотрела на него. Долго.

— Вот за это ты мне нравишься.

Фраза была простой. Лев почувствовал её совершенно непросто. Она, кажется, тоже это поняла.

— Как человек, — быстро добавила Лиза.

Он улыбнулся.

— Разумеется.

— Не ухмыляйся.

— Я не ухмыляюсь.

— У тебя именно такая ухмылка.

— Я серьёзный руководитель метрополитена.

— Слишком серьёзный мужчина для человека, который спорит с круассанами.

Лев поперхнулся кофе.

— Чего?

Она уже смеялась.

— Вот. Именно.

— Я запомню это оскорбление.

— Это комплимент.

— Тогда ещё хуже.

Она посмотрела на часы.

— Мне правда пора.

Встала. Но прежде чем уйти, неожиданно коснулась ладонью его плеча. Всего на секунду.

— Спасибо, что послушал.

И ушла. Лев остался сидеть. Плечо, которого она коснулась, было совершенно обычным плечом. Лев прекрасно это понимал. И всё же ещё несколько секунд не двигался.

• • •

Через месяц они обменялись номерами телефонов. Это произошло так буднично, что ни один из них не смог бы потом объяснить, почему именно в тот день. Лиза рассказывала про небольшой книжный магазин в старом центре Мещерска.

— Я тебе отправлю адрес.

Она достала телефон.

— Диктуй.

Лев назвал номер. Она набрала. Через секунду его телефон завибрировал. Новое сообщение. Лиза. Всего одно слово: Это я. Лев сохранил номер. Посмотрел на неё.

— Очень содержательное первое сообщение.

— Не всем сразу раскрываю свой литературный талант.

— Я вижу.

— Можешь удалить.

— Уже поздно.

— Почему?

— В архиве метрополитена теперь навсегда останется документ: «Это я».

Она засмеялась.

— Ужасный человек.

— Вот и не злоупотребляй своим серьёзным видом.

— Не злоупотребляй.

Они разошлись. В одиннадцать сорок семь Лев сидел на совещании. Поставщик очередной раз объяснял, почему детали не приехали. Лев уже слышал третью версию. Телефон завибрировал. Он машинально посмотрел.

Лиза:

Ну

что,

социальный

опрос

сегодня продолжится? Лев несколько секунд смотрел на экран. Затем написал: Зависит от готовности респондента сотрудничать. Ответ пришёл почти сразу: Смотря какие вопросы. Лев улыбнулся.

— Лев Андреевич?

Он поднял голову. Все за столом смотрели на него.

— Простите.

— Я говорю, задержка получилась не по нашей вине…

Лев положил телефон экраном вниз. Улыбка исчезла.

— Вот с этого места ещё раз.

Совещание продолжилось. Но где-то между сорванным графиком, министерской проверкой и четырьмя составами, которые нужно было вернуть на линию до конца месяца, в жизни Льва появилось небольшое пространство, не занятое ни планами, ни чужими требованиями. Пока оно состояло из нескольких сообщений и ничего не обещало. Лев называл это любопытством. Так было безопаснее. Он ещё не знал, что большие перемены редко входят в жизнь с шумом. Иногда они начинаются с одного имени в телефоне — и с ожидания сообщения, которое ты не должен ждать так сильно.

ГЛАВА 3 Перьевая ручка

После того сообщения они начали писать друг другу почти каждый день. Не постоянно. Не так, чтобы телефон становился продолжением руки и жизнь превращалась в ожидание зелёной точки рядом с чужим именем. У обоих были работа, дети, дома, покупки, болезни, счета и те мелкие обязанности, из которых незаметно собираются годы. Но между всем этим появилось новое место — несколько минут утром, сообщение в обед, фотография смешной вывески по дороге домой, иногда короткое «ты как?» вечером. Лев долго убеждал себя, что это просто дружба. Ему нравилось это слово. Оно было спокойным, взрослым и ничего не требовало. Лиза тоже ничего не требовала. Наверное, поэтому он всё чаще хотел давать ей больше, чем она просила.

• • •

В пятницу утром она прислала фотографию неба. Над крышами Мещерска висели тяжёлые серые облака, но между ними пробивалась тонкая полоска света. Лиза: «Смотри. Небо сегодня не определилось». Лев стоял в ремонтном депо между двумя разобранными вагонами. Вокруг пахло металлом, смазкой и старой пылью. Где-то работала пневматика, по бетону грохотала тележка с деталями. Начальник участка доказывал, что поставщик снова прислал не тот комплект тормозных блоков. Лев посмотрел на фотографию ещё раз. «Понимаю его», — написал он. Ответ пришёл почти сразу.

«Тоже не определился?»

Он набрал: «С чем?» Три точки появились, исчезли, появились снова. «С тем, когда перестать работать и начать жить». Лев прочитал сообщение дважды.

— Лев Андреевич, — позвал начальник участка. — Что им отвечать?

Лев убрал телефон.

— Что они привезут правильные блоки до понедельника.

— Они говорят, что не успеют.

— Тогда пусть объяснят комиссии во вторник, почему из-за них у нас два состава стоят без тормозов.

— Жёстко.

— Нет. Жёстко будет во вторник.

Он пошёл дальше вдоль состава. Через несколько шагов телефон снова завибрировал в кармане. Лев не достал его. Продержался почти минуту.

• • •

В субботу они случайно встретились в старом книжном магазине недалеко от Старой площади. Во всяком случае, оба потом называли эту встречу случайной. Лев зашёл туда после тенниса. Ему нужно было купить подарок сыну друга, но через пять минут он уже стоял у полки с классикой и, как обычно, забыл, зачем пришёл.

— Вы следите за мной, Лев Руднев?

Он обернулся. Лиза стояла в проходе с книгой в руках. На ней были джинсы, светлый свитер и длинное пальто, расстёгнутое на груди. Без офисной одежды и привычной бутылки воды с мёдом она казалась немного другой — моложе и свободнее.

— Это мой вопрос.

— Я была здесь первой.

— У тебя есть свидетели?

— Продавец.

Старик за кассой поднял глаза поверх очков.

— Я ничего не видел, — сказал он.

Лиза рассмеялась.

— Вот так рушится правосудие.

Лев посмотрел на книгу у неё в руках.

— «Маленький принц»?

— Для младшего. Хотя, если честно, я сама люблю перечитывать.

— Я в детстве его не понимал.

— А сейчас?

Лев взял с полки другое издание, перелистнул несколько страниц.

— Сейчас мне кажется, что это вообще не детская книга.

— Особенно история с розой.

— Ты вообще такие книги любишь?

— Романы, драмы, истории, после которых нормальные люди два дня ходят и думают о чужой жизни. Да.

— Добровольно страдаешь за вымышленных людей?

— А ты добровольно читаешь психологию и пытаешься понять людей настоящих. Не знаю, кому из нас хуже.

— Я хотя бы делаю вид, что это саморазвитие.

— А я честно называю это любовью к драме.

Он усмехнулся.

— Роза там непростая.

— Живые люди вообще редко удобные.

Она сказала это и пошла дальше вдоль полки. Лев остался на месте ещё на секунду. Когда он был ребёнком, ему казалось странным, что можно выделить одну розу среди тысяч других. В сорок один он впервые начал понимать: дело, возможно, никогда не было в том, насколько она совершенна. Особенным становится то, чему ты начинаешь отдавать своё внимание, время и заботу. Он посмотрел на Лизу. Она стояла у соседней полки, читая заднюю обложку какой-то книги, и ничего не знала о его мысли. И хорошо, что не знала. Некоторые мысли становятся опасными сразу после того, как произносишь их вслух.

— Нашёл подарок? — спросила она.

— Нет.

— Кому?

— Сыну друга. Тринадцать лет.

— Что любит?

— Компьютер и делать вид, что книги придумали для наказания детей.

— Тогда книгу надо выбирать особенно жестоко.

Следующие двадцать минут они ходили между полками, спорили о книгах, смеялись и в конце купили совсем не то, что собирались. Лиза выбрала приключенческий роман мальчику, Лев — сборник рассказов себе, хотя обещал больше ничего не покупать до тех пор, пока не прочитает стопку у кровати. У выхода начался дождь. Они остановились под маленьким козырьком.

— У меня машина через два квартала, — сказала Лиза.

— Провожу.

— Ты без зонта.

— В этом и драматургия.

— Заболеешь.

— Тогда будет трагедия.

Она покачала головой.

— Иногда ты удивительно несерьёзный.

— Ты решила, что это теперь официальное обращение?

— Пока не придумаю лучше.

Они побежали через дождь. У машины Лиза смеялась, пытаясь убрать мокрые волосы с лица. Лев тоже смеялся. Ничего особенного не произошло. Он не прикоснулся к ней. Она не посмотрела на него каким-нибудь обещающим взглядом. Они просто стояли под дождём и не хотели заканчивать разговор.

— Езжай, — наконец сказал он. — Замёрзнешь.

— А ты?

— Я драматургически дойду до машины.

Она открыла дверь, потом остановилась.

— Лев.

— Что?

— Мне легко с тобой.

Он не нашёл ответа сразу.

— Мне с тобой тоже.

Она кивнула, будто этого было достаточно. И уехала. На обратной дороге Лев думал о розе. Не о любви. Это слово он ещё не позволял себе даже мысленно. Просто о том, как незаметно один человек может стать отдельным цветом внутри обычного дня.

• • •

Дома Марина спросила, почему он мокрый.

— Дождь.

— Это я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что нормальные люди носят зонты.

Лев снял куртку.

— Нормальные люди вообще много чего делают правильно.

Марина посмотрела на него.

— Что у тебя за настроение?

— Нормальное.

— Ты какой-то странный последние недели.

Он почувствовал, как внутри всё мгновенно стало серьёзным.

— В каком смысле?

— Не знаю. Как будто тебя всё время нет.

— Я дома.

— Вот именно. Телом — дома.

Лев ничего не ответил. В гостиной сын играл в приставку. Дочь строила на ковре дом для кукол и потребовала, чтобы отец немедленно помог сделать крышу. Через несколько минут он уже сидел рядом с ней, прикрепляя картон к двум пластиковым стенам.

— Пап, криво.

— Это современная архитектура.

— Переделай.

— Заказчик всегда прав.

Дочь удовлетворённо кивнула. Лев посмотрел на неё и почувствовал знакомое болезненное тепло. Вот она — его настоящая жизнь. Не теория. Не ошибка. Не клетка. Эти маленькие пальцы, разбросанные игрушки, голос сына из соседней комнаты, Марина на кухне. Двадцать три года невозможно объявить неправильными только потому, что однажды в пекарне появилась женщина с голубыми глазами. И Лев понимал: было бы слишком удобно решить, что Марина перестала его видеть. Он и сам давно перестал рассказывать ей, что происходит у него внутри. И всё же её слова остались внутри. Телом — дома. В тот вечер он не написал Лизе первым. В десять сорок восемь телефон загорелся.

«Ты как?»

Лев посмотрел на экран. Рядом Марина смотрела сериал. Он убрал телефон в карман. Через пять минут достал снова. «Нормально. Устал». Лиза ответила: «Тогда отдыхай. Не обязательно всегда быть сильным». Лев перечитал фразу и вдруг почувствовал усталость настолько ясно, будто до этого просто не имел на неё права.

• • •

Комиссия приехала во вторник в девять утра. К одиннадцати Лев уже ненавидел слово «почему». Почему просрочка шесть месяцев? Почему поставка сорвана? Почему четыре состава не готовы? Почему переработки выросли? Почему поставщик до сих пор не заменён? Почему персонал недоукомплектован? На часть вопросов были ответы. На часть — виноватые. Но человек, который сидит во главе стола, довольно быстро понимает: руководство редко интересует разница между причиной и оправданием.

— Когда выйдет первый состав? — спросил представитель министерства.

— Через девять дней.

Крылов посмотрел на Льва. Это был срок, которого они утром не обсуждали.

— Вы уверены?

— Да.

Лев не был уверен. Но пятьсот человек не могли работать внутри его сомнения. После комиссии Крылов закрыл дверь кабинета.

— Девять дней?

— Да.

— Ты сумасшедший.

— Возможно.

— Если не сделаем, снимут сначала тебя, потом меня.

— Значит, у нас наконец появился командный дух.

Крылов не улыбнулся.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Следующие девять дней Лев почти жил на работе. Лиза не требовала внимания. Не спрашивала, почему он отвечает через четыре часа. Не устраивала обид. Иногда присылала одно сообщение.

«Ел?»

Или: «Не забудь поспать». Однажды вечером передала через охрану маленький бумажный пакет с сэндвичем и запиской: «Руководители тоже люди. Есть подтверждённые данные». Лев сидел один в кабинете и смеялся так, что зашедший инженер решил, будто начальник окончательно не выдержал. Первый состав вышел на линию на десятый день. На сутки позже обещанного. Но вышел. Когда Лев увидел, как поезд медленно покидает депо, он впервые за много недель позволил себе просто стоять и смотреть. Телефон был в руке. Он сфотографировал состав. Первым человеком, которому захотелось отправить фотографию, была Лиза. Лев замер. И не отправил. Отправил Крылову. Потом начальнику участка. Потом в общий рабочий чат. И только после этого ей. Ответ пришёл через минуту: «Я знала, что ты сделаешь». Лев улыбнулся. Странно, но именно эти пять слов оказались важнее официальной благодарности, которую он получил вечером.

• • •

Через несколько дней Лиза ждала его в пекарне. На столе рядом с её чаем лежала небольшая длинная коробка.

— Что это? — спросил Лев.

— Ничего.

— Очень похоже на что-то.

— Открой.

— У меня день рождения был четыре месяца назад.

— Поздравляю с четырьмя месяцами после дня рождения.

Лев сел напротив.

— Я теперь обязан был что-то подарить тебе первым?

— Лев, просто открой коробку.

Он снял крышку. Внутри лежала перьевая ручка. Тёмная, тяжёлая, с тонким металлическим пером. Лев перестал улыбаться.

— Лиза…

— Не нравится?

— Очень нравится.

Он осторожно взял ручку. Вещи иногда умеют возвращать человека туда, куда он не собирался возвращаться. Три тетради. Огонь. Кира. Школьный кабинет литературы. «Когда-нибудь напиши что-нибудь большое». Лев провёл пальцем по корпусу.

— Почему ручка?

Лиза пожала плечами.

— Увидела и подумала о тебе.

— Я почти не пишу от руки.

— Знаю.

— Тогда почему?

Она посмотрела на него так, будто ответ был очевиден.

— Потому что мне кажется, ты должен писать.

Лев медленно поднял глаза.

— Почему ты так решила?

— Не знаю. Ты рассказываешь вещи как-то… иначе. Замечаешь детали. Иногда говоришь обычную историю, а я потом полдня о ней думаю.

Он молчал.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Опять врёшь.

Лев улыбнулся.

— Когда мне было пятнадцать, один человек сказал почти то же самое.

— И?

— Я пообещал когда-нибудь написать книгу.

— Написал?

— Как видишь.

Лиза улыбнулась.

— Значит, я вовремя купила ручку.

Он смотрел на неё и чувствовал странное тепло. Не влюблённость — он всё ещё отказывался называть происходящее этим словом. Что-то тише. Глубже. Будто женщина напротив случайно коснулась той части его жизни, о существовании которой не знала.

— Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста, господин будущий писатель.

— Я когда-нибудь отомщу за это прозвище.

— Напиши обо мне плохо в своей книге.

Они засмеялись. Позже Лев много раз вспомнит эту фразу.

• • •

Вечером дом уже спал. Лев сидел на кухне один. Перед ним лежала перьевая ручка. Он налил себе немного вина, но почти не пил. Из ящика достал старый блокнот сына — несколько чистых страниц оставались в конце. Смешно: сорок один год, руководитель

метрополитена,

пятьсот сотрудников, двое детей. Он мог принять решение, от которого зависела работа целого депо, но боялся чистого листа сильнее министерской комиссии. Лев снял колпачок. Перо коснулось бумаги. Долго ничего не происходило. Наконец он написал: «Некоторые люди входят в жизнь так тихо, что замечаешь их только тогда, когда начинаешь скучать в их отсутствие. Сегодня я понял, что снова хочу

писать». Он перечитал, поморщился. Хотел вырвать страницу,

но

оставил

её. На телефоне было сообщение от Лизы: «Спокойной ночи». Он ответил: «Спокойной ночи», потом вернулся к блокноту и дописал: «Не всё, что возвращает тебя к жизни, нужно немедленно превращать

в

обещание». Он перечитал фразу и не стал исправлять. Впервые за много лет чистый лист не казался пустотой. Он казался местом, где ещё можно начать.

Он не называл это любовью. Не имел права так легко давать имя чувству, которое ещё не выдержало ни времени, ни честного разговора. Но уже знал: в его обычных днях появилось место, куда он возвращался мысленно. И это место начинало менять всё остальное. Лев отложил телефон и открыл блокнот ещё раз.

ГЛАВА 4 Первый человек

Утром блокнот всё ещё лежал на кухонном столе. Лев заметил его сразу. Перьевая ручка лежала поперёк страницы, как маленькая стрелка, указывающая на две написанные накануне строки. Он остановился.

В доме было тихо. Марина ещё спала, дети тоже. Только кофеварка недовольно гудела, прогревая воду, а Тихон сидел возле миски и смотрел на хозяина с выражением существа, которое уже несколько минут подвергается сознательному голоду.

— Ты ел ночью.

Кот не моргнул.

— Я лично видел.

Тихон мяукнул.

— Хорошо. Убедил.

Лев насыпал ему корм и вернулся к столу. Перечитал написанное. Некоторые люди входят в нашу жизнь так тихо, что мы замечаем их только тогда, когда начинаем скучать в их отсутствие. Сегодня фраза показалась ему слишком красивой.

А значит, подозрительной. В юности он любил красивые фразы. Ему казалось, что чем сложнее удаётся сказать о чувстве, тем оно настоящее. С возрастом всё оказалось наоборот.

Самые важные вещи почему-то становились всё короче. Я рядом. Доехал? Не бойся.

Позвони маме. Спокойной ночи. И, наверное, самое страшное: Не пиши мне больше.

Он закрыл блокнот. Из коридора послышались босые шаги. Дочь вошла на кухню с волосами, торчащими во все стороны.

— Папа.

— Доброе утро.

Она молча подошла и прижалась к нему. Лев обнял её.

— Ты ещё спишь?

— Немножко.

— Тогда как ты сюда пришла?

Девочка задумалась.

— Ногами.

— Логично.

Она заметила ручку.

— Красивая.

— Мне тоже нравится.

— Мама подарила?

Лев почему-то ответил не сразу. Всего полсекунды. Но сам эту полсекунды заметил.

— Нет. Один человек.

— Кто?

Дети задают вопросы значительно опаснее взрослых, потому что не подозревают, что некоторые ответы требуют подготовки.

— Знакомая.

— С работы?

— Нет.

— А откуда?

Лев улыбнулся.

— Ты сегодня следователь?

Дочь пожала плечами и снова уткнулась ему в бок. Вопрос закончился так же быстро, как появился. Но после него Лев убрал ручку в карман рубашки. Блокнот закрыл в ящик.

Не потому, что ему было что скрывать. Именно эту фразу он повторил себе дважды.

• • •

— Ну?

Сообщение пришло в семь сорок две. Лев стоял на платформе служебной станции и ждал технический поезд. Лиза: Писатель проснулся?

Он улыбнулся. Лев: Рано присваивать звания.

Ответ появился сразу. Значит, что-то написал. Он посмотрел на тоннель. Вдалеке появился свет.

Две строчки. Покажешь? Лев задумался. Нет.

Пауза. Жадный. Это называется авторское право. Это называется человек, который зажал две строчки.

Он рассмеялся. Двое инженеров рядом посмотрели в его сторону. Лев убрал телефон. Через несколько секунд тот снова завибрировал.

Мне приятно, что ты попробовал. Он прочитал сообщение один раз. Потом второй. Ничего особенного.

Человек подарил ручку. Другой человек этой ручкой

что-то

написал.

Логичная последовательность событий. Но именно эти слова почему-то оказались важнее шуток.

Не «молодец». Не «я же говорила». Не «покажи». Мне приятно.

Словно его маленькая победа почему-то имела значение и для неё. Лев набрал: Спасибо. Удалил. Написал: Наверное, без твоей ручки не попробовал бы. Удалил и это. В конце отправил: Доброе утро, Лиза. Она ответила: Доброе утро, Лев.

Он спрятал телефон. Технический поезд вошёл на станцию. Работа начиналась. Но настроение уже было другим.

• • •

К полудню хорошее настроение закончилось.

— Повтори.

Игорь Серов стоял напротив стола Льва. За последние недели он несколько раз вытаскивал снабжение из ситуаций, которые уже казались безнадёжными, поэтому Лев привык верить его фактам.

— Подшипники сегодня не придут.

— Это я услышал. Почему?

— Машина не вышла.

— Почему?

—

Перевозчик

говорит,

проблема

с документами.

— Вчера документы были в порядке.

— Я знаю.

Лев медленно снял очки.

— Игорь.

— Да.

— Где на самом деле наши подшипники?

Инженер молчал.

— Не где они должны быть. Где они физически находятся сейчас?

— На складе поставщика.

— В Нижнем Новгороде?

— Нет.

Лев почувствовал знакомое неприятное спокойствие. Такое приходило перед настоящей злостью.

— А где?

— В Екатеринбурге.

Он посмотрел на инженера.

— На Урале.

— Да.

— Наш поставщик сообщает мне за пять дней до комиссии, что детали, которые он якобы отгрузил вчера из Нижнего Новгорода, на самом деле находятся в Екатеринбурге?

— Получается так.

— Нет, Игорь. Не получается. Либо они вчера соврали тебе, либо ты вчера соврал мне.

— Лев…

— Выбирай вариант.

Инженер побледнел.

— Они уверяли, что всё готово.

Лев встал. Подошёл к окну. Внизу, за стеклом, лежал огромный ремонтный цех. Рабочие двигались между составами. Где-то вспыхивали сварочные дуги. Кран медленно переносил тяжёлую тележку. Люди в оранжевых жилетах казались сверху маленькими фигурами сложного механизма.

Пятьсот человек. Четыре состава. Шесть месяцев просрочки. Одна комиссия.

И подшипники в Екатеринбурге. Иногда жизнь руководителя действительно состояла из вопросов, на которые нормальный человек никогда не хотел бы знать ответ.

— Соедини меня с директором поставщика.

— Он не отвечает.

Лев повернулся.

— Тогда найди того, кому он отвечает.

— Кого?

— Жену. Секретаря. Бухгалтера. Священника. Мне всё равно. Через пятнадцать минут я должен с ним говорить.

Игорь кивнул.

— Я сам подниму директора поставщика и параллельно найду резервный комплект. Дай мне двадцать минут.

— Пятнадцать.

— Ненавижу твою любовь к круглым срокам.

— Пятнадцать — не круглый.

— Поэтому и ненавижу.

Игорь вышел, а Лев впервые за утро позволил себе подумать, что рядом всё-таки есть люди, на которых можно опереться. Лев сел. Телефон лежал перед ним. Он посмотрел на экран.

Открыл переписку с Лизой. Набрал: Знаешь, где сейчас детали, которые должны были вчера приехать ко мне? Остановился.

Посмотрел на сообщение. Зачем? Что она сделает с этой информацией? Она бухгалтер. Никакого

отношения

к

метрополитену. Подшипники, составы, комиссия — совершенно чужой мир.

Он удалил текст. Положил телефон. Через минуту снова взял. На Урале.

Отправил. Лиза ответила через несколько минут. Кто в Екатеринбурге? Лев написал: Моя надежда сохранить работу.

Три точки появились почти сразу. Она хоть хорошо проводит время? Он усмехнулся. Судя по срокам — прекрасно.

Ты злишься? Лев хотел написать «нет». Потом почему-то решил не врать. Очень.

Ответ пришёл не сразу. Тогда сначала не убей никого. Он рассмеялся. А потом?

Потом реши проблему. Ты же всё равно её решишь. Лев смотрел на экран. Откуда такая уверенность? Лиза ответила: Ты всегда рассказываешь о проблемах так, будто они уже почти решены.

Он перечитал. А потом впервые за день почувствовал, что плечи немного расслабились.

• • •

Проблему они с Игорем действительно решили. Не полностью. Но к шести вечера выяснилось, что часть комплектующих можно срочно забрать с другого ремонтного предприятия, а поставку из Екатеринбурга отправить авиационным грузом. Это стоило дополнительных денег.

Крылов сначала кричал. Потом считал. Потом снова кричал. В конце подписал.

— Ты понимаешь, что если комиссия спросит, почему мы доплатили за доставку, отвечать будешь ты?

— Конечно.

— Тебя это вообще когда-нибудь беспокоит?

— Постоянно.

— По тебе не видно.

Лев пожал плечами.

— В этом и смысл.

Крылов посмотрел на него.

— Иногда я не понимаю, ты очень спокойный человек или просто сумасшедший.

— Эти версии не противоречат друг другу.

Крылов фыркнул.

— Иди домой.

Лев вышел из кабинета. Первое, что сделал в коридоре, — достал телефон. Будем жить. Лиза ответила через минуту: Нашлась пропажа? Почти. Я же говорила. Лев набрал: Да.

И неожиданно понял одну вещь. Он сообщил ей раньше, чем Марине. Раньше матери. Раньше другу.

Хотя, если подумать, дома никто и не ждал этого сообщения. Марина не знала подробностей этой истории. Мать тем более. Антон жил своей жизнью и услышал бы историю в пятницу за пивом, если они встретятся.

Ничего странного. Лиза просто знала контекст. Поэтому он рассказал ей первой. Очень логично.

Так логично, что Льву опять стало не по себе.

• • •

Вечером он встретился с Антоном. Антон был одним из немногих людей, рядом с которыми Льву никогда не приходилось изображать человека, у которого всё под контролем.

Они знали друг друга с детства. Потом вместе слушали рок в маленьких прокуренных клубах, спорили о музыке и путешествовали на старой машине Антона, которая ломалась чаще, чем они заправлялись. В подростковом возрасте Антон умел рассмешить Льва именно тогда, когда тот сильнее всего старался быть серьёзным. Теперь обоим было за сорок, и стало ясно: жизнь никакой инструкции к себе не прилагала.

Антон выбрал совсем другую жизнь: работал со светом и звуком на концертах и городских фестивалях, умел починить усилитель изолентой и договориться с артистом быстрее, чем

Лев успевал открыть рабочую почту. Он успел развестись, снова жениться и завести ещё двоих детей.

— Главное правило второго брака, — говорил он, разливая пиво, — никогда не говорить второй жене, чему тебя научила первая.

— Почему?

— Потому что она сразу понимает, что первая чему-то тебя всё-таки научила.

Лев засмеялся.

— Великолепная семейная психология.

— Бесплатно. Пользуйся.

Они сидели на террасе небольшого бара у реки. Внизу вода тянула по тёмной поверхности длинные полосы фонарей; за спиной звякали бокалы, из приоткрытой двери тянуло тёплым воздухом и старым роком. Антон рассказывал про сына, а Лев пытался хотя бы час не превращать жизнь в список задач. Телефон Льва завибрировал.

Он посмотрел. Лиза прислала фотографию. На столе лежала раскрытая книга, рядом чашка чая и детская машинка. Подпись: Вот так выглядит личное время матери двоих сыновей.

Лев улыбнулся.

— Кто? — спросил Антон.

Он поднял глаза.

— Что?

— Кто написал?

— С чего ты решил?

— У тебя лицо стало идиотское.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Так кто?

Лев заблокировал телефон.

— Коллеги.

— Коллеги вызывают у тебя такую улыбку?

— Иногда.

Антон прищурился. Лев выдержал взгляд. Через несколько секунд друг пожал плечами.

— Ладно. Не хочешь — не рассказывай.

И перевёл тему. Лев почувствовал облегчение. А следом — странный укол. Он никогда раньше ничего серьёзного не скрывал от Антона.

В молодости они знали друг о друге практически всё. Первые девушки. Первые серьёзные деньги. Страхи.

Провалы. Свадьбы. Рождение детей. Развод Антона.

Смерть отца Льва. И вот теперь появился человек, о котором Лев почему-то не хотел рассказывать никому. Не потому, что между ними происходило что-то запретное. Ничего не происходило.

Они даже не касались друг друга, кроме нескольких случайных секунд. Но, возможно, он молчал именно потому, что происходило нечто более труднообъяснимое. Лиза становилась его тайной раньше, чем между ними появилось то, что действительно требовало тайны.

• • •

Она написала поздно вечером. Ты дома? Лев лежал на диване. Марина укладывала дочь, сын был у себя.

Да. Хорошо посидели? Он задумался. Не помнил, чтобы рассказывал ей о встрече с Антоном.

Потом вспомнил утреннее сообщение. Он действительно упоминал. Хорошо. Он решил снова научить меня семейной жизни.

У него получается? Учитывая, что он женат второй раз, практического материала много. Лиза прислала смеющийся смайлик. Потом долго ничего не было.

Лев уже собирался убрать телефон. Новое сообщение: Можно тебя кое о чём спросить? Конечно.

Пауза. Ты когда-нибудь устаёшь быть сильным? Он нахмурился. Перечитал.

Написал: С чего такой вопрос? Просто. Это не ответ.

Вот видишь. Теперь ты проводишь социальный опрос. Лев улыбнулся, но вопрос не отпускал. Устаю.

Три точки. И что делаешь? Он задумался. Самый очевидный ответ стоял на кухне в бутылке.

Другой — заключался в работе до позднего вечера. Третий — в привычке говорить «всё нормально». Но почему-то ей он не хотел отвечать привычно. Ничего. Наверное, в этом проблема.

Лиза долго печатала. Я иногда думаю, что люди привыкают к тому, что ты справляешься. А потом уже никто не спрашивает, тяжело ли тебе. Лев сел.

Телевизор перед ним работал без звука. На экране кто-то смеялся в студии. Он прочитал сообщение ещё раз. Эти слова попали куда-то слишком точно.

А тебя спрашивают? Ответ появился не сразу. Редко. Тебе тяжело?

Пауза стала ещё длиннее. Иногда. И всё. Никакой исповеди.

Никаких жалоб. Одно слово. Но Лев вдруг увидел её не такой, какой привык видеть утром. Не лёгкой женщиной с голубыми глазами и улыбкой.

Он представил поздний вечер в её квартире. Двоих детей. Разбросанные вещи. Работу.

Мужа, который снова задерживается. Мать, за которую она всю жизнь переживает. Сестру. Её привычку справляться.

Отец ушёл, когда она была маленькой. Она рано научилась быть взрослой. Вероятно, так же рано, как он. Только по другой причине.

Хочешь рассказать? Она ответила: Не сегодня. Лев написал: Хорошо. Ещё через минуту: Но если захочешь — я рядом. Сообщение было прочитано. Ответа долго не было.

Потом пришло: Я знаю. Два слова. Лев положил телефон на грудь.

Закрыл глаза. И вдруг понял, насколько странным стало это место между ними. Они ничего друг другу не обещали. Ни на что не имели права.

Ничего не требовали. Именно поэтому внутри этих отношений каким-то образом помещалось столько воздуха.

• • •

На следующий день Лиза не пришла в пекарню. Лев заказал кофе. Сел у окна. Открыл почту.

Ответил на письмо. Через несколько минут посмотрел на дверь. Никого. Он вернулся к работе.

Ещё через минуту снова посмотрел. Сам заметил это и раздражённо отложил телефон. Работай. В восемь десять пришло сообщение.

Сегодня без нашей встречи в пекарне. Младший заболел. Лев почувствовал странное облегчение. И тут же разозлился на себя.

Температура? 38,7. Врач? Уже вызвала.

Нужна помощь? Он отправил и только потом подумал, насколько нелепо это звучит. Какая помощь? Он даже не знал точно, где она живёт. Лиза ответила: Спасибо. Справлюсь.

Потом: Ты же знаешь, я взрослая женщина. Лев написал: Я слышал. И самостоятельная. Сомнительно. Почему?

Потому что самостоятельные женщины не принимают участие в социальных опросах незнакомых мужчин. Она прислала смеющийся смайлик. Он улыбнулся.

Через полчаса снова написал: Как он? Днём: Температура спала?

Вечером: Как вы? Последнее сообщение он почти удалил. Потому что там было не «как он».

А «как вы». Она заметила. Мы хорошо. Он уже требует мультики и шоколад. Значит, будет жить.

Лев выдохнул. А ты? Я устала. Он смотрел на эти слова.

Хочешь, я тебя немного отвлеку? Как? Не знаю. Могу рассказать, как сегодня двое взрослых мужчин двадцать минут спорили, кто потерял ключ от технического шкафа.

И кто? Третий мужчина. Уже интересно. Они переписывались почти час.

О ерунде. О работе. О детях. О том, почему взрослые люди никогда не выбрасывают коробки от дорогой техники.

О самой ужасной музыке, которую каждый из них когда-либо слушал. О путешествиях.

— Ты улыбаешься телефону?

Лев поднял голову. Марина стояла возле дивана.

— Что?

— Спрашиваю: что там такое смешное?

На секунду всё вокруг словно стало тише. Лев заблокировал экран.

— Рабочий чат.

Марина посмотрела на него.

— Весёлая у вас работа.

— Иногда.

Она задержала взгляд на телефоне. Потом на нём.

— Угу.

Развернулась и ушла. Лев остался сидеть. Телефон лежал в ладони. Через несколько секунд экран загорелся. Лиза: Ты пропал.

Он смотрел на сообщение. Впервые эта маленькая переписка перестала казаться абсолютно невинной. Не потому, что в ней было что-то неправильное. А потому, что он только что соврал о ней.

Соврал легко. Почти автоматически. Это неприятно кольнуло. Лев положил телефон экраном вниз.

Не ответил. Пять минут. Десять. Пятнадцать.

Потом всё-таки взял. Семья. Лиза ответила: Тогда иди к семье. Спокойной ночи. Никакой обиды. Никакого вопроса. Никакой попытки удержать.

И почему-то именно это заставило его ещё сильнее захотеть продолжить разговор.

• • •

Через несколько дней прошла очередная выездная проверка. Комиссия приехала в девять утра. Пять человек в дорогих пальто. Два специалиста из министерства.

Трое
представителей
городской администрации. Вопросы. Документы. Цех.

Сроки. Причины отставания. Лев говорил почти три часа. Не оправдывался.

Показывал. Где провалился поставщик. Где ошиблись они сами. Что уже исправлено.

Что невозможно исправить за день. Что будет через неделю. Какие риски остаются. Один из чиновников несколько раз пытался вывести его на конфликт.

— То есть вы признаёте, что ситуация вышла из-под контроля?

— Нет.

— Но просрочка составляет почти шесть месяцев.

— Это факт.

— Тогда что вы называете контролем?

Лев посмотрел на него.

— Способность точно понимать, где находишься, почему оказался там и что делаешь дальше. Если я скажу вам, что всё хорошо, вот тогда мы действительно потеряем контроль.

В помещении стало тихо. Крылов рядом перестал дышать. Чиновник некоторое время смотрел на Льва. Потом закрыл папку.

— Продолжайте.

В пять вечера комиссия уехала. Без скандала. Без

предписания

остановить

программу. Комиссия дала им шесть недель на следующий этап восстановления.

Шесть недель. Для любого нормального человека — мало. Для Льва это показалось подарком. Крылов закрыл дверь кабинета и впервые за весь день улыбнулся.

— Живы.

— Пока.

— Поехали выпьем.

— Не могу.

— Жена?

Лев подумал.

— Дети.

— Правильный ответ.

Они пожали друг другу руки. Лев спустился вниз. Прошёл по цеху. Составы стояли в холодном белом свете.

Где-то ещё работал инструмент. Запах металла. Смазка. Голоса.

Шесть недель. Лев чувствовал невероятную усталость, но внутри было почти хорошо. Он достал телефон, открыл контакты и, не задумываясь, нажал на имя Лизы. Лев: Дали шесть недель.

Ответ пришёл секунд через двадцать. Лиза: Я знала. Лев: Ты даже не знаешь, что именно произошло. Лиза: Зато знаю тебя.

Лев замер посреди огромного ремонтного цеха. Вокруг грохотал металл. Кто-то запустил компрессор. По громкой связи назвали номер бригады. Сотрудник прошёл рядом и что-то сказал ему. Лев не услышал. Три слова на экране оказались громче всего цеха.

Он медленно убрал телефон и только тогда понял: первым человеком, которому захотелось рассказать о важном, стала Лиза. Он не решил так заранее — рука сама нашла её имя.

Близость иногда начинается не с признания и не с прикосновения, а с того, кому ты первым хочешь сообщить новость, которую ещё минуту назад боялся услышать сам.

Он вспомнил розу. Не сам цветок, а то, как Лиза посмотрела на него, когда он протянул ей подарок. Она ещё ничего у него не просила, но уже занимала место в его времени и мыслях.

Телефон снова завибрировал. Лиза: Горжусь тобой. Только не зазнавайся.

Лев рассмеялся прямо посреди цеха. Он набрал: «Спасибо, моя…» — и остановился. Стер последнее слово, написал просто: «Спасибо, Лиза» — и отправил.

Некоторые слова ещё было слишком рано писать. Даже перьевой ручкой.

ГЛАВА 5 Роза

В пятницу Лиза опоздала на двадцать семь минут. Лев знал это точно, хотя не собирался считать. Он сидел у окна в пекарне, смотрел на поток машин и время от времени открывал рабочую почту. За соседним столиком пожилая пара делила один круассан на двоих. Мужчина отламывал кусочки и молча подкладывал жене на блюдце. Она каждый раз делала вид, что не замечает.

Лев подумал, что именно так, наверное, и выглядит любовь после пятидесяти лет вместе. Не цветы. Не признания. Не поездки в Венецию.

Человек просто помнит, какую часть круассана ты любишь больше. Он посмотрел на часы. Восемь семнадцать. Лиза обычно приходила без десяти восемь.

Лев раздражённо отпил свой кофе. У неё есть жизнь. Разумеется, есть. Двое детей.

Работа. Муж. Мать. Сестра.

Пробки. Миллион причин не прийти в пекарню в удобное для Льва Руднева время. Он открыл отчёт. Прочитал одну строку.

Потом ещё одну. В восемь двадцать три над дверью звякнул колокольчик. Лев поднял голову раньше, чем успел сделать вид, что не ждал. Лиза вошла быстро, на ходу поправляя волосы.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Как директор школы на опоздавшую ученицу.

Лев посмотрел на часы.

— Двадцать семь минут.

Она остановилась.

— Ты считал?

— Нет.

— Тогда откуда двадцать семь?

— У меня развито чувство времени.

— Ты считал.

— Немного.

Она рассмеялась и сняла пальто.

— Младший отказался надевать ботинки.

— Серьёзная причина.

— Очень. Потом старший вспомнил, что сегодня нужно принести в школу картон.

— Какой?

— Именно этот вопрос я задала в семь тридцать утра.

— И?

— Синий.

— И конечно, дома не было синего картона.

— Был красный.

— Катастрофа.

— Ты смеёшься, потому что твои дети уже выросли.

— У меня шестилетняя дочь.

— Тогда ты должен мне сочувствовать.

— Я сочувствую. Просто внутри.

Лиза поставила сумку на соседний стул.

— Ты ужасный человек.

— Мне уже сообщали.

Она посмотрела на его карман. Перьевая ручка была там.

— Носишь?

Лев опустил взгляд.

— Иногда.

— Значит, понравилась.

— Очень.

Он сказал это без шутки. Лиза тоже перестала улыбаться. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

— Я рада, — сказала она.

И снова всё стало обычным. Она пошла за круассаном и чаем. Лев проводил её взглядом. Поймал себя на этом и вернулся к отчёту.

На третьей строке понял, что не запомнил ни одного слова.

• • •

— Почему именно ручка?

Лиза подняла глаза.

— Что?

— Почему ты подарила мне перьевую ручку?

— Просто увидела.

— И?

— И подумала о тебе.

Это прозвучало настолько естественно, что Лев сначала ничего не ответил.

— Почему?

— Не знаю.

— Очень содержательно.

— Хорошо. — Она поставила чашку. — Потому что ты производишь впечатление человека, который слишком много держит в голове.

— Это комплимент?

— Пока не решила.

— Продолжай.

— И иногда тебе, наверное, нужно всё оттуда куда-нибудь выгружать.

— В служебную записку?

— Нет.

— В таблицу?

— Лев.

— Молчу.

Она улыбнулась.

— Ты говорил, что когда-то писал.

— Когда-то.

— Вот.

— Что «вот»?

— Я подумала, что тебе снова захочется.

Лев медленно провёл пальцами по зажиму ручки.

— Ты много думаешь о людях, которым покупаешь подарки?

Лиза немного нахмурилась.

— А ты даришь подарки людям, о которых не думаешь?

— Иногда. Начальству на юбилей, например.

— Тогда это не подарки. Это корпоративные налоги.

Он рассмеялся.

— Хорошее определение.

Она посмотрела в окно.

— Мне нравится делать людям приятно.

— Всем?

— Нет.

Ответ был коротким. Лев почувствовал, как внутри что-то едва заметно сдвинулось. Ему хотелось спросить: А мне почему?

Но он не спросил. Некоторые вопросы страшны не тем, что ответ может оказаться плохим. А тем, что он может оказаться именно таким, какого ты ждёшь.

• • •

В тот день на работе впервые за несколько недель всё шло почти по плану. Один состав вывели из ремонтной зоны. По второму закончили диагностику. Пропавшие подшипники наконец отправили в Мещерск. Игорь прислал фотографию грузовика с подписью: «Пропажа едет к нам». Лев переслал снимок Лизе. Она ответила: Я переживала за твои подшипники больше, чем за собственные отчёты. Ты внесла огромный вклад. Требую премию. Максимум чай и круассан. С круассаном. Наглеешь. Учусь.

Лев улыбнулся.

— Опять рабочий чат?

Он поднял голову. В дверях стояла Софья Никитина, его заместитель. Тридцать девять лет, короткая стрижка, человек с редкой способностью замечать именно то, что хотелось оставить незамеченным.

— Именно.

— У вас там последнее время очень весёлые технические совещания.

Лев положил телефон.

— Ты что-то хотела?

Софья усмехнулась.

— Состав номер двести восемнадцать готовы отдавать на испытания.

— Отлично.

— Вот теперь узнаю начальника.

— А до этого?

— До этого ты смотрел в телефон с выражением семнадцатилетнего.

Лев замер. Всего на секунду. Но Софья заметила.

— Попала?

— Нет.

— Значит, попала.

— Софья.

— Всё. Я ничего не знаю.

Она подняла руки. У самой двери остановилась.

— Кстати, тебе идёт.

— Что?

— Иногда выглядеть счастливым.

И вышла. Лев некоторое время смотрел на закрытую дверь. Слово ему не понравилось. Счастливым.

Слишком большое. Слишком серьёзное. Он всего лишь переписывался с женщиной. Встречался с ней по утрам.

Иногда думал о ней. Иногда чаще, чем следовало. Но счастье? Нет.

Счастье — это другое. Дети. Дом. Удачная операция после болезни матери.

Первый день рождения дочери. Момент, когда сын впервые сам поехал на велосипеде и закричал:

— Папа, не держи!

Счастье нельзя было привязывать к человеку, которого ты знаешь несколько месяцев. Лев открыл документы. Через минуту снова посмотрел на телефон. На экране было новое сообщение.

Кстати. Ты сегодня улыбался. Он нахмурился. Когда?

Когда я сказала, что подумала о тебе. Он долго смотрел на экран. Потом написал: Тебе показалось. Ответ: Конечно. И следом: Серьёзные начальники, конечно, никогда не улыбаются.

Лев закрыл глаза.

— Прекрасно.

• • •

Перед тем как открыть дверь дома, Лев на секунду задержался у фотографии на телефоне. В семейном чате Наташа, лучшая подруга Марины, прислала старый снимок из поездки в Карелию: четыре семьи у озера, дети на деревянном настиле, мужчины с нелепым мангалом, женщины смеются, Марина держит Льва за шею и смотрит на него так, будто между ними нет никакого расстояния. Таких поездок было много: Карелия, Казань, Черноморское побережье, зимние выходные в Суздале. Наташа и её муж Сергей, Ольга и Дмитрий, ещё несколько друзей, которые то появлялись, то исчезали из общего круга. Марина всегда собирала лекарства детям, проверяла билеты, помнила про крем от солнца и могла среди ночи в незнакомом городе найти аптеку. Лев когда-то особенно любил в ней эту способность заботиться о своих.

Потом

забота

постепенно

изменила интонацию. «Возьми куртку», «не ешь это», «позвони матери», «ты опять поздно», «я же говорила». Она не перестала заботиться; просто всё реже была рядом с ним как женщина и всё чаще — как строгая мать или бабушка, уверенная, что без её контроля он обязательно сделает что-нибудь неправильно. И всё же в старых фотографиях оставалась Марина, в которую он когда-то влюбился, и Лев не позволял себе забывать об этом.

Дома было неожиданно спокойно. Марина готовила ужин. Дочь рисовала за столом. Сын сидел в наушниках и что-то смотрел в телефоне.

Тихон спал на подоконнике. Лев вошёл и остановился. Иногда именно такие вечера были самым сильным аргументом против всего, что происходило внутри него. Не было криков.

Не было разбитой посуды. Не было ревности. Просто семья. Его семья.

Двадцать три года жизни невозможно перечеркнуть потому, что где-то существует женщина с голубыми глазами, которая умеет слушать.

— Папа!

Дочь подбежала к нему. Он подхватил её.

— Что рисуешь?

— Секрет.

— Тогда зачем рассказываешь, что рисуешь?

— Я не рассказала.

— Логично.

Она поцеловала его в щёку. Марина повернулась от плиты.

— Ты сегодня рано.

— Сам удивлён.

— Есть будешь?

— Буду.

Она посмотрела на его рубашку.

— Ручка новая?

Лев опустил взгляд. В кармане всё ещё лежал подарок Лизы.

— Да.

— Красивая.

— Угу.

Марина подошла ближе.

— Купил?

Пауза. Та самая полсекунды снова возникла между вопросом и ответом.

— Подарили.

— Кто?

— На работе.

Ложь прозвучала спокойно. Слишком спокойно. Марина кивнула.

— Хороший подарок.

— Да.

Она вернулась к плите. Лев остался стоять. Дочь тянула его за руку, пытаясь показать рисунок. Он смотрел на Марину.

Она ничего не заметила. И почему-то от этого стало ещё хуже.

• • •

За ужином сын рассказывал о школе. Вернее, отвечал односложно на вопросы матери.

— Как контрольная?

— Нормально.

— Что получил?

— Не знаю.

— Как можно не знать?

— Ещё не поставили.

— Ты подготовился хотя бы?

— Мам.

— Что «мам»?

Лев посмотрел на сына. Тот раздражённо двигал вилкой по тарелке.

— Оставь его, — сказал Лев.

Марина повернулась.

— Я просто спрашиваю.

— Я знаю.

— Или мне уже нельзя спрашивать детей про школу?

— Можно.

— Тогда зачем ты вмешиваешься?

— Потому что он ответил.

— «Нормально» — это не ответ.

Сын поднялся.

— Можно я пойду?

— Ешь.

— Я наелся.

— Ты почти ничего не съел.

Лев посмотрел на него.

— Иди.

Марина резко положила вилку.

— Конечно. Папа всё разрешит.

Сын исчез в коридоре. Наступила тишина. Дочь переводила взгляд с одного родителя на другого. Лев сразу заметил это.

— Вкусно получилось, — сказал он ей.

— Правда?

— Очень.

Она улыбнулась. Марина молчала. Через несколько минут дочь ушла смотреть мультфильм. Марина начала убирать посуду.

— Тебе обязательно каждый раз делать меня плохой?

Лев посмотрел на неё.

— Я тебя не делаю плохой.

— Я воспитываю детей, а ты приходишь вечером и становишься хорошим папой.

— Я просто не хочу, чтобы каждый ужин превращался в допрос.

— Допрос?

— Марина.

— Нет, скажи. Я теперь допрашиваю собственного сына?

Лев потер переносицу. Несколько лет назад он бы начал объяснять. Потом спорить. Потом повышать голос.

Теперь чаще просто уставал ещё до начала конфликта.

— Не хочу ругаться.

— Конечно. Ты вообще последнее время ничего не хочешь.

Он посмотрел на неё. Фраза зацепила.

— Что это значит?

Марина пожала плечами.

— Ничего.

— Нет. Ты сказала — объясни.

— Ты постоянно где-то.

— Я работаю.

— Я тоже.

— Я не спорю.

— Но у тебя всегда работа важнее.

Лев почувствовал привычную злость. И сразу следом — другую мысль: А ведь она не совсем не права. Он действительно часто задерживался.

Иногда потому, что было нужно. Иногда потому, что возвращаться домой не хотелось. Это было неприятное признание.

— Давай не сегодня.

— А когда, Лев?

Он не ответил. Марина посмотрела на него. В её лице

на

секунду

исчезла

привычная раздражённость. Осталась усталость.

Просто женщина, которая тоже когда-то была восемнадцатилетней. Которая тоже чего-то хотела. Которая прожила рядом с ним почти всю взрослую жизнь.

— Иногда мне кажется, — тихо сказала она, — что тебя здесь уже нет.

Лев замер. Никаких криков. Никаких обвинений. И именно поэтому фраза прозвучала страшнее.

— Я здесь.

Марина покачала головой.

— Я не про дом.

Она взяла тарелки и ушла на кухню. Лев остался один. Телефон в кармане завибрировал. Он даже не доставал его.

Он уже знал, кто написал. И впервые не хотел смотреть. Потому что жена только что сказала правду, которую он сам себе ещё не позволял сформулировать.

• • •

Сообщение он открыл спустя сорок минут. Лиза: Как прошёл вечер? Лев лежал в кровати. Марина была в ванной. Он написал: Нормально. Посмотрел. Удалил. Не очень.

Три точки появились почти сразу. Хочешь поговорить? Лев начал писать. Про сына.

Про ужин. Про Марину. Про её фразу. Написал почти десять строк.

Потом перечитал. Удалил всё. Нет. Просто устал.

Лиза не стала спрашивать. Тогда отдыхай. Через минуту: Я рядом.

Он посмотрел на эти два слова. Те самые. Простые. Короткие.

Опасные. Я рядом. В ванной выключилась вода. Лев заблокировал телефон.

Положил на тумбочку. Марина вошла, легла рядом. Несколько минут они молчали. Когда-то он любил это время перед сном.

Они могли лежать лицом друг к другу. Она рассказывала что-нибудь бессмысленное. Он гладил её волосы. Иногда засыпали, держась за руки.

Лев попытался вспомнить, когда именно это закончилось. Не смог. Некоторые вещи не заканчиваются в один день. Они исчезают понемногу.

Сначала один пропущенный поцелуй. Потом второй. Потом «спокойной ночи» из другой комнаты. Потом человек отворачивается к стене, и никто уже не замечает.

— Спокойной ночи, — сказал Лев.

— Спокойной.

Он выключил лампу. Темнота заполнила комнату. Когда-то он боялся её. В детстве после истории с подвалом мог часами лежать, накрывшись одеялом с головой.

Потом научился убеждать себя, что темнота — это просто отсутствие света. Как с лифтом. Как со многими страхами. Переименовать.

Объяснить. Сделать вид, что проблема исчезла. Телефон завибрировал один раз. Лев не взял его.

Но уже знал: утром первое, что он сделает, — посмотрит.

• • •

Лиза написала не ему. В семейном чате муж сообщил: Буду поздно. Не жди.

Она сидела на кухне. Дети спали. В посудомоечной машине тихо шумела вода. Лиза прочитала сообщение и положила телефон рядом.

Ничего необычного. Он часто задерживался. Работа. Встречи.

Дела. Их брак давно научился существовать без необходимости постоянно находиться рядом. Когда-то

ей

даже

нравилась

эта самостоятельность. Он был быстрым, спонтанным, наглым в хорошем смысле. Мог вечером сказать: «Собирайся», а через час они уже сидели с друзьями в другом конце города.

Именно за это она когда-то его и полюбила. Рядом с ним жизнь двигалась. Потом появились дети. Кредит.

Ипотека. Работа. Списки продуктов. Врачи.

Школы. Обязанности. Жизнь продолжала двигаться, только они всё реже успевали посмотреть друг на друга. Лиза открыла переписку с Львом.

Последнее сообщение: Нет. Просто устал. Она почувствовала, что он соврал.

Не потому, что хорошо его знала. Хотя уже знала. Просто сама часто отвечала точно так же. Устала.

Универсальное слово. В него можно было сложить одиночество. Разочарование. Страх.

Скуку. Нежность, которую некому отдать. Желание, чтобы кто-нибудь просто сел рядом и никуда не торопился. Она написала: Я рядом. Отправила.

Потом долго смотрела на экран. Ей хотелось добавить ещё что-нибудь. Не добавила. Лиза тоже знала: есть двери, которые нельзя открывать за другого человека. Даже если очень хочется узнать, что находится по ту сторону.

• • •

Утром Лев увидел её возле пекарни. Лиза стояла на улице. В одной руке она держала его кофе, в другой — свою небольшую бутылку с тёплой водой и мёдом.

— Ты сегодня не опоздала, — сказал он.

— Я вообще идеальна.

— Сомнительное утверждение.

Она протянула ему кофе.

— Держи.

— Это что?

— Твой кофе.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Лев взял стакан.

— Почему мне?

— Потому что я пришла раньше.

— Спасибо.

Они пошли вдоль площади. Не в пекарню. Просто пошли. До работы оставалось двадцать минут.

Мещерск был залит утренним солнцем. Ночной дождь оставил на камнях тонкий блеск. Возле цветочного магазина женщина выставляла на улицу ведра с цветами. Лев остановился.

— Подожди.

— Что?

Он подошёл к цветам. Не думал. Просто увидел. Несколько белых роз.

Продавщица подняла голову.

— Одну, пожалуйста.

Лиза смотрела на него издалека. Лев расплатился. Вернулся. Протянул ей цветок.

— Это мне?

— Нет. Я решил начать разводить розы в кабинете.

Она улыбнулась.

— Зачем?

— За то, что подумала обо мне.

— Кофе стоит дешевле.

— Не порть экономику момента.

Лиза взяла розу. Поднесла к лицу. Лев смотрел на неё и внезапно почувствовал что-то настолько простое, что стало страшно. Ему нравилось делать её счастливой.

Даже на секунду. Даже одной розой.

— Красивая, — сказала она.

— Угу.

Она посмотрела на него.

— Я про розу.

— Я тоже.

Они оба понимали, что он врёт. И впервые никто не попытался спрятаться за шуткой. Лиза опустила глаза. Пальцами осторожно коснулась лепестка.

— Мне давно просто так не дарили цветы. Лев хотел спросить: А муж? Не спросил.

Вместо этого сказал:

— Теперь подарили.

Они продолжили идти. Через несколько шагов Лиза неожиданно взяла его под руку. Совсем легко. Наверное, просто потому, что в другой руке были бутылка с водой и роза.

Наверное. Лев не двигался несколько секунд. Потом пошёл рядом. Он чувствовал через ткань пальто тепло её руки.

Ничего не происходило. Они даже не держались за руки. Просто шли по утреннему городу. Два взрослых человека.

У каждого семья. Дети. Работа. Обязательства.

Целая жизнь за плечами. Лиза рассказывала что-то про младшего сына. Лев слушал вполуха и смотрел на белую розу в её руке.

В детстве ему нравилась история о мальчике, который путешествовал между планетами и слишком поздно понял, почему одна роза может оказаться важнее тысяч других. Тогда Лев считал это красивой сказкой. Теперь ему казалось, что дело не в цветке: особенным становилось то, чему ты отдаёшь время и внимание, пока однажды не замечаешь, что уже не можешь относиться к этому как ко всему остальному.

Лев повернул голову к Лизе. Она рассказывала и улыбалась. Утренний ветер перебросил прядь волос ей на лицо. Она попыталась убрать её, не выпуская чашку и цветок. Лев почти поднял руку, хотел помочь — и остановился. Ещё рано. Он убрал руку в карман, туда, где лежала её перьевая ручка.

Пока они просто шли по утреннему городу, и каждый ещё мог убедить себя, что ничего особенного не происходит.

ГЛАВА 6 То, о чём не спрашивают

Белая роза простояла у Лизы четыре дня. На пятый она прислала Льву фотографию. Цветок стоял в обычной стеклянной вазе возле окна. Лепестки уже начали темнеть по краям, но стебель всё ещё держался прямо.

Под фотографией было написано: «Она упрямая».

Лев посмотрел на снимок посреди рабочего совещания и ответил: «В хозяйку».

Точки появились сразу. «Это комплимент?» «Пока не решил».

Ответом был смеющийся смайлик. Лев заблокировал телефон.

— Руднев?

Он поднял голову. За столом на него смотрели шесть человек.

— Я слушаю.

— Мы спрашиваем, подписываем ли сверхурочные на субботу.

— Подписываем.

— Все участки?

— Сборка и диагностика. Электриков пока не трогаем.

Начальник участка записал. Лев перевёл взгляд на схему восстановления составов. Работа снова поглотила комнату.

Но мысль о розе осталась. Лиза поставила её дома — не выбросила, не спрятала, а просто отвела ей место в своей жизни. Лев не понимал, почему это кажется ему важным.

Наверное, потому, что всё между ними пока состояло из таких мелочей: доброе утро, кофе, сообщение, ручка, роза. Ничего, что можно предъявить как доказательство. И всё же каждая мелочь понемногу меняла границы мира, внутри которого существовали только они двое.

В субботу Лев приехал на работу раньше семи. Цех ещё не проснулся окончательно. Огромное помещение было почти пустым. Свет горел только над несколькими ремонтными позициями. Где-то стучал инструмент, вдалеке двигалась уборочная машина. Он любил предприятие таким: без совещаний, без телефонов, без людей, которым срочно нужен ответ. Только металл, холодный воздух и огромные вагоны, терпеливо ждущие, когда люди снова заставят их двигаться.

Лев прошёл вдоль состава и провёл ладонью по холодному кузову. Когда-то он выбрал эту профессию почти случайно. Потом работа стала способом доказать себе, что он способен на большее; затем — способом обеспечивать семью, потом

привычкой.

А

после

незаметно превратилась в один из главных ответов на вопрос: кто ты? Лев Руднев. Руководитель. Человек, который решает проблемы. Иногда он думал: если однажды забрать у него работу, останется ли там кто-нибудь ещё.

Телефон завибрировал. Лиза: Ты уже там? Лев: Где? Лиза: На работе, трудоголик. Лев: Нет. Гуляю по набережной. Лиза: В семь утра? Лев: Очень насыщенная жизнь.

Она прислала: «Не верю. Ты слишком серьёзный».

Лев сфотографировал пустой цех и отправил снимок. Лиза: Разоблачён.

Через минуту пришло сообщение: «Красиво».

Он посмотрел вокруг: стальные конструкции, инструмент, тёмный бетонный пол.

— Красиво, — повторил он вслух.

Он никогда раньше не думал, что кто-то может назвать это место красивым. Лев написал: «Что ты в этом видишь?»

Лиза ответила не сразу: «Что?» «Ты написала „красиво“. Что здесь красивого?» «Не знаю. Наверное, масштаб».

Следом пришло: «И ощущение, что всё это кто-то должен удерживать».

Лев перечитал сообщение и спросил: «Почему ты решила, что удерживать должен я?» «Потому что ты именно такой».

Он не ответил. Иногда Лиза говорила о нём вещи, которые самому Льву не нравилось признавать.

Она позвонила впервые около полудня. До этого они только переписывались. На экране появилось её имя. Лев посмотрел на телефон с каким-то нелепым удивлением. Будто человек, с которым он каждый день разговаривал, не имел права внезапно обладать голосом вне пекарни.

— Да?

— Ты занят?

Её голос в динамике звучал чуть иначе. Ближе.

— Всегда.

— Тогда пока.

— Стой.

Она засмеялась.

— Сам виноват.

— Что случилось?

— Ничего. Я просто…

Она замолчала.

— Что?

— Еду к маме. Дорога длинная. Решила проверить, разговариваешь ли ты по телефону так же много, как пишешь.

Лев посмотрел на часы.

— Очень научный подход.

— Социальный опрос продолжается.

Он сел в кресло.

— Хорошо. Задавайте вопросы.

— Первый. Ты всегда такой спокойный?

Лев усмехнулся.

— Нет.

— Не верю.

— Можешь спросить людей, которые работают со мной.

— Они боятся.

— Правильно делают.

— Вот видишь.

Лев откинулся назад. За дверью кабинета кто-то спорил. Он вдруг понял, что не хочет заканчивать разговор.

— А ты? — спросил он.

— Что я?

— Всегда такая спокойная?

В трубке стало тихо.

— Нет.

— Не верю.

— Ну и не верь.

— Хороший аргумент.

Лиза немного помолчала.

— Наверное, просто привыкла.

— К чему?

— Не показывать всё.

Он почувствовал, что разговор незаметно изменился.

— Почему?

— Не знаю.

— Знаешь.

Она вздохнула.

— Ты всегда так делаешь?

— Как?

— Задаёшь вопрос и потом ждёшь, пока человек сам сдастся.

— Я руководитель.

— Манипулятор.

— Профессиональная деформация.

Она снова засмеялась. А потом сказала:

— В детстве дома лучше было быть тихой.

Лев перестал улыбаться.

— Из-за отца?

— Да.

Она впервые сама заговорила о нём.

— Он кричал?

— По-разному.

Лев не стал уточнять. Лиза продолжила сама:

— Когда он приходил в плохом настроении, мы с сестрой старались не попадаться. Мама всегда пыталась всё сгладить. Знаешь таких женщин?

— Знаю.

— Она очень добрая. Слишком добрая иногда.

— Ты её защищала?

Лиза усмехнулась.

— Мне было лет десять.

— Это не ответ.

Она долго молчала.

— Наверное.

Лев закрыл глаза. Он видел совершенно другую квартиру. Другую мать. Другого отца. Но ощущение знал слишком хорошо. Ребёнок, который начинает следить за настроением взрослых. По шагам. По голосу. По тому, как открылась дверь. Он спросил:

— Ты тоже знала по звуку ключа, каким будет вечер?

На другом конце наступила тишина. Очень долгая.

— Откуда ты знаешь?

Лев смотрел в окно.

— Потому что я тоже знал.

Лиза ничего не сказала.

— Мой отец пил, — продолжил он. — Много. Когда был трезвый, мог быть нормальным. Даже хорошим иногда. Научил меня работать. Много чего показал. Но…

— Но?

— Я всю жизнь больше учился у него тому, каким человеком не хочу быть.

Лиза тихо сказала:

— Понимаю.

Два человека произнесли несколько простых слов. И расстояние между ними вдруг стало меньше, чем за все предыдущие месяцы.

— Ты когда-нибудь его ненавидел? — спросила она.

Лев задумался.

— Отца?

— Да.

— Нет.

— Правда?

— Злился. Стыдился. Боялся его. Иногда хотел, чтобы он просто исчез.

— Но не ненавидел?

— Наверное, нет.

Лев покрутил в пальцах перьевую ручку.

— Я долго думал, что если ненавижу его, то во мне тоже есть что-то плохое.

Лиза не перебивала.

— А потом понял, что ребёнок вообще странная штука. Он почти всегда ищет причину в себе. Если папа пьёт — значит, я недостаточно хороший сын. Если мама плачет — значит, я должен что-то сделать. Если люди ругаются — надо их помирить.

— Ты до сих пор так живёшь.

Он улыбнулся.

— Вот за это я иногда тебя не люблю.

— Только иногда?

— Сейчас особенно.

Она рассмеялась.

— А мама?

— Мама — другое.

Голос Льва стал мягче.

— Она очень меня любила. Иногда даже слишком.

— Так бывает?

— Бывает. Когда женщина боится, что сын отвернётся от неё после развода, например.

— Она боялась?

— Очень.

— И что ты сказал?

Лев посмотрел на пустой цех за стеклом кабинета.

— Мне было четырнадцать. Я сказал ей разводиться.

— В четырнадцать?

— Да.

— Ты правда рано вырос.

— Я тогда считал, что уже взрослый.

— Все дети, которые слишком рано становятся взрослыми, так думают.

Он улыбнулся.

— Психолог.

— Наблюдение.

Они оба рассмеялись. Потом Лиза тихо сказала:

— А мой отец просто ушёл.

Лев молчал.

— И знаешь что самое странное? — продолжила она. — Я почти ничего к нему не чувствую. Люди спрашивают: неужели совсем не хочется увидеть? Нет. Не хочется. Он для меня будто чужой человек.

— И тебя это беспокоит?

— Иногда думаю, нормально ли это.

— Лиза.

— Что?

— Ты никому не обязана чувствовать то, чего не чувствуешь.

Она замолчала.

— Даже отцу?

— Даже отцу.

— Ты всегда разрешаешь людям то, что они сами себе не разрешают?

Лев задумался.

— Видимо, кроме себя.

Лиза тихо сказала:

— Вот это я уже заметила.

Разговор длился час и сорок три минуты. Лев узнал это позже, когда посмотрел историю звонков. Самому ему казалось — минут двадцать. Лиза приехала к матери. Они попрощались.

— Спасибо, — сказала она.

— За что?

— Не знаю. Просто.

— Хороший ответ.

— Учусь у тебя.

— Плохо учишься.

— До понедельника?

Лев хотел ответить обычное: До понедельника. Но неожиданно сказал:

— Напиши вечером, как мама.

Лиза помолчала.

— Напишу.

Звонок закончился. Лев ещё несколько секунд смотрел на экран. Потом поднял голову. В дверях стояла Софья.

— Давно?

— Что?

— Я минуту жду.

— Почему не постучала?

— Стучала.

Лев положил телефон.

— Что случилось?

— Теперь уже ничего. Я просто впервые видела, как наш великий Руднев разговаривает по телефону полтора часа и ни разу не сказал слово «срок».

Он посмотрел на неё.

— Ты следишь за мной?

— Нет. Но стены здесь стеклянные.

Она положила бумаги на стол.

— У тебя всё нормально?

— Да.

— Хорошо.

Софья уже собиралась уходить, но остановилась.

— Лев.

— Да?

— Только не делай глупостей.

Он нахмурился.

— Каких именно?

— Если ты спрашиваешь, значит, пока всё нормально.

И вышла. Лев долго смотрел на дверь.

Вечером он приехал домой раньше обычного. Марина разговаривала по телефону на кухне. Дочь строила дом из подушек. Сын сидел перед компьютером. Лев переоделся. Потом неожиданно решил приготовить ужин. Когда-то он любил готовить. Не потому, что это считалось красивым мужским хобби. Просто нравилось превращать несколько обычных продуктов во что-то, от чего люди за столом замолкают на первые минуты. Мать научила его нескольким блюдам. Остальное он осваивал сам.

— Ты чего? — спросила Марина, увидев его возле плиты.

— Готовлю.

— Вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Она пожала плечами.

— Просто давно не виделись.

Он улыбнулся.

— Мы живём вместе.

— Я про тебя и кухню.

Лев рассмеялся. Через полчаса пахло чесноком, сливочным маслом и травами. Дочь сидела на столешнице и болтала ногами.

— Можно попробовать?

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты съешь всё до ужина.

— Я чуть-чуть.

— Ты вчера говорила, что брокколи — преступление против детей.

— Это другое.

Сын заглянул на кухню.

— Что происходит?

— Отец вспомнил, что умеет готовить, — сказала Марина.

Лев посмотрел на неё. В голосе не было упрёка. Скорее удивление. Они сели за стол. На удивление вечер прошёл хорошо. Сын рассказывал про друга. Дочь перебивала. Марина смеялась. Лев смотрел на семью и чувствовал одновременно две совершенно противоположные вещи. Любовь. И грусть. Потому что хорошие вечера доказывали: всё ещё можно. Но они же заставляли спрашивать: Почему тогда так бывает не всегда?

Позже Марина подошла к нему. Он убирал посуду. Она встала рядом.

— Вкусно было.

— Спасибо.

— Правда.

— Я понял.

Она несколько секунд молчала, потом положила ладонь ему на спину. Прикосновение было коротким, почти неловким. Лев замер. Когда-то он мечтал именно о таких вещах: чтобы она подошла, коснулась, обняла — просто без причины. Он повернулся, но Марина уже убирала чашки. Момент закончился.

Что-то в груди неприятно сжалось. А если он всё придумал? Может быть, никто ничего не потерял. Может быть, они просто устали. Может быть, двадцать три года нельзя ощущать как первые два. Может быть, взрослый брак именно так и выглядит: редкие хорошие вечера, счета, дети, усталость, воспоминания о том, как когда-то держались за руки. И желание временами убежать ещё не означает, что действительно нужно уходить.

Телефон завибрировал в кармане. Лев не достал его. Через несколько минут телефон завибрировал снова. Он знал, кто пишет, и от этого мысль стала ещё тяжелее.

Лиза написала: «Мама в порядке. Спасибо».

Лев прочитал сообщение уже перед сном. Ответил: «Хорошо». Потом добавил: «Сегодня приготовил ужин семье». Лиза: «Ты ещё и готовишь? Список талантов длинный. Скромность там есть?» Лев: «Не поместилась».

Она прислала смеющийся смайлик. А потом спросила: «Хороший вечер?»

Лев посмотрел на Марину. Она лежала рядом и читала что-то в телефоне. «Да», — ответил он. Это была правда.

Лиза написала: «Я рада». Никакой ревности, никакой холодности. Она действительно была рада. Почему-то именно это задело его сильнее всего. «Спокойной ночи, Лиза». «Спокойной ночи, Лев».

Он положил телефон. Марина неожиданно спросила:

— С кем переписываешься?

Лев почувствовал, как тело напряглось раньше мысли.

— По работе.

Она кивнула и снова посмотрела в экран. Лев отвернулся. Он только что солгал Марине во второй раз. На тумбочке лежала перьевая ручка. Он протянул руку, взял её и вышел на кухню. Открыл блокнот. Долго сидел перед чистой страницей. Потом написал:

Самая опасная ложь начинается не тогда, когда мы хотим кого-то обмануть.

Остановился. Продолжил:

Она начинается тогда, когда правда вдруг становится слишком сложной.

Он перечитал. Закрыл блокнот. За окном Мещерск спал. А где-то в другом доме женщина, которая знала о его детстве больше, чем большинство людей вокруг него, тоже готовилась ко сну. Лев ещё не называл это любовью. Пока это было просто место, где его понимали. И именно поэтому однажды ему придётся решить, имеет ли он право там оставаться.

ГЛАВА 7 Граница

К концу четвёртого месяца знакомства Лев уже различал два Лизиных «всё хорошо». После одного разговор продолжался. После другого она убирала телефон или принималась слишком тщательно складывать салфетку. Он не спрашивал, если она не хотела рассказывать. Ему нравилось считать, что они ничего друг от друга не требуют. Правда, когда ответ задерживался, он всё чаще проверял, не пропустил ли сообщение.

Она знала, что по понедельникам он терпеть не может совещания до девяти, потому что люди ещё не успели совершить достаточно ошибок для содержательного разговора.

Он знал, что Лиза почти никогда не завтракает нормально, но хороший круассан способна защищать с убеждённостью человека, которому поручили вопрос национальной безопасности.

Она знала, что он пьёт кофе без сахара.

Он — что утром она пьёт тёплую воду с мёдом и считает кофе переоценённым способом заставить сердце работать быстрее.

— Это потому, что ты никогда не пила хороший кофе, — сказал Лев.

— А ты никогда не пил нормальную воду.

— Вода не бывает ненормальной.

— Вот поэтому с тобой сложно спорить. У тебя на всё найдётся производственный стандарт.

— Конечно. Вода. Температура. Давление. Технические условия.

Лиза отломила край круассана.

— А на любовь у вас технические условия есть?

Лев посмотрел на неё.

— Это уже другой отдел.

— Понятно. Значит, не прошёл аттестацию.

— Даже документы не подавал.

Она улыбнулась. Лиза стряхнула крошки на салфетку, а Лев потянулся за чашкой. Шутка позволила обоим отвести глаза. До того понедельника ему казалось, что он хорошо чувствует, где нужно остановиться.

• • •

Накануне они всей семьёй ездили к Наташе. Наташа дружила с Мариной почти двадцать лет. Они созванивались по дороге в магазин, обменивались фотографиями детей и помнили друг о друге такие мелочи, о которых Лев давно перестал спрашивать.

Она жила с Сергеем в небольшом доме в сосновом посёлке за городом. До Мещерска было меньше часа: сначала трасса мимо складов и заправок, потом узкая дорога между лесом и полями. Здесь даже человек, привыкший постоянно

куда-то

опаздывать,

невольно сбрасывал скорость.

Собрались четыре семьи.

Дети оккупировали сад.

Мужчины пытались приготовить мясо и по традиции делали вид, что процесс требует инженерного образования.

Женщины вынесли на террасу салаты, сыр, хлеб и столько еды, словно рассчитывали пережить небольшую осаду.

— Не трогай, — сказала Марина, когда Лев потянулся за кусочком мяса.

— Почему?

— Оно ещё сырое.

— Я проверяю качество.

— Ты мешаешь.

— Двадцать три года брака, а доверия всё нет.

Наташа засмеялась.

— Марина, дай ему кусок. Пусть естественный отбор сделает своё дело.

— Спасибо за поддержку, — сказал Лев.

— Я всегда на твоей стороне. Особенно если Марина не слышит.

— Я всё слышу, — отозвалась жена. Лев помогал Сергею с мангалом, спорил с Дмитрием о музыке, потом пошёл искать мяч, который дети отправили за сарай. Когда вернулся, Марина смеялась над чем-то, наклонившись к Наташе. Светлое платье, рука у лица, знакомое движение плеча. Он остановился с мячом под мышкой. Когда-то она так смеялась над его историями. Ему захотелось подойти и спросить, что он пропустил. Но Сергей позвал к мангалу, и Лев отозвался. За столом Марина передала ему хлеб, не прерывая разговора. Он взял, коснулся её пальцев. Она на секунду повернулась к нему и улыбнулась. Позже, когда Варя уронила сок, Марина первой вскочила за полотенцем. — Я принесу, — сказал Лев. — В доме, под раковиной. Только не белое. Он уже собирался пошутить про инструктаж, но увидел, что она держит мокрую салфетку на коленях дочери и второй рукой отодвигает тарелки. Принёс полотенце. Потом сел обратно, а Марина осталась вытирать стол. Он заметил это, когда она закончила.

Наташа села рядом.

— Вы давно вдвоём куда-нибудь ездили?

Лев повернулся.

— С кем?

— С Папой Римским. С Мариной, конечно.

— Все вместе ездили весной.

— Я сказала вдвоём.

Лев задумался.

— Не помню.

— Вот.

— Что «вот»?

— Ничего.

— Наташа.

Она улыбнулась.

— Я ничего не сказала.

— Это ваш женский приём? Сказать «ничего» так, чтобы мужчине пришлось неделю анализировать?

— Нет. Это врождённое.

Он рассмеялся.

Наташа стала серьёзнее. — Она вчера сказала, что хочет хотя бы раз уехать и ничего не организовывать. — Можно было мне сказать. — Можно. А можно тебе спросить. Лев покрутил стакан. — Наташа, мы приехали мясо есть. — Ешь. Я же не мешаю. Она подвинула ему тарелку. Он взял кусок, хотя уже не хотел. Марина поправляла дочери волосы. Потом поцеловала её в макушку и, подняв глаза, заметила, что он смотрит. — Что? — Ничего. Красиво тебе в этом платье. Она чуть смутилась. — Оно не новое. — Я вижу. Но он не был уверен, что видел раньше.

• • •

На следующее утро Лиза была в пекарне раньше него.

Перед ней стоял чай. Рядом лежала половина круассана.

— Половина? — спросил Лев вместо приветствия.

— Доброе утро и тебе.

— Я обеспокоен.

— Чем?

— Обычно круассан не выживает после встречи с тобой.

— Я не голодная.

— Заболела?

— Очень смешно.

Он сел напротив.

— Как выходные?

— Нормально. Дети вчера уехали к маме.

— Оба?

— До завтра.

— Тишина дома?

— Странная.

— Наслаждайся.

Лиза пожала плечами.

— Муж тоже уехал по работе. Вчера поймала себя на том, что сижу на кухне и не понимаю, что делать, когда никто ничего от меня не хочет.

— Спать.

— В восемь вечера?

— Мечта любого работающего человека старше тридцати пяти.

Она улыбнулась.

— Я даже фильм не смогла выбрать.

— Трагедия.

— В итоге включила какую-то драму.

— Конечно.

— Что значит «конечно»?

— Если человек наконец получает свободный вечер, он может посмотреть комедию и расслабиться. Но ты выбираешь два часа эмоциональных страданий.

— Зато потом своя жизнь кажется лучше.

— Разумно.

Она отпила чай.

— Сегодня они тоже не вернутся. Даже непривычно.

Лев усмехнулся.

И сказал:

— Опасная информация. Ещё решу, что это приглашение. Лиза положила круассан на тарелку. Лев ещё держал на лице улыбку, когда понял, что она больше не улыбается. — Глупая шутка, — сказал он. — Да.

— Лиза…

— Не надо.

Она посмотрела на часы.

— Мне пора.

— Подожди. — Мне действительно пора. Он взглянул на её часы, словно мог проверить, правда ли это. Потом убрал руку со спинки свободного стула.

— Нет. Я сказал лишнее.

Она надела пальто.

— Просто больше так не шути.

— Не буду.

Лиза кивнула.

— Хорошего дня.

— Лиза.

Она посмотрела на него.

— Прости.

Несколько секунд молчала.

— Я услышала.

И ушла.

Лев остался напротив недоеденного круассана.

Впервые за всё время их общения ему совершенно не хотелось допивать кофе.

• • •

На работе он дважды открыл один и тот же файл, не прочитав первой строки. В разговоре с диспетчером ответил резче, чем требовалось, и сразу извинился. Диспетчер удивлённо замолчал. Лев попросил повторить цифры.

Игорь появился в кабинете около десяти.

— Есть две новости.

— Начни с плохой.

— Почему?

— Чтобы хорошая хотя бы пять минут казалась хорошей.

— Поставщик снова переносит кабель.

— А хорошая?

— Я нашёл его у другого подрядчика.

Лев поднял глаза.

— Срок?

— Завтра.

— Цена?

Игорь назвал сумму.

— Это грабёж.

— Да. — Резерв до какого часа? — До двух. Я уже поставил. — А если не согласуем цену? — Сниму. Пока денег не платили. Лев кивнул. Ему нравилось, что с Игорем можно было начинать с решения, минуя первые три стадии паники.

— Ненавижу самостоятельных сотрудников.

— Неправда.

— Сегодня я вообще много чего ненавижу.

Игорь сел напротив.

— Что случилось?

— Ничего.

— Семья?

— Нет.

— Работа?

— Ты только что сам её решил.

Лев нахмурился.

— Игорь.

— Всё. Уже ушёл. У двери Игорь остановился. — Кабель хоть берём? Лев посмотрел на оставленный расчёт. Поставщик повышал цену, но простой обходился дороже. — Готовь заявку. Я подпишу после согласования. — Вот теперь узнаю. Игорь вышел, оставив дверь приоткрытой. Лев взял телефон. «Я не это имел в виду». Он посмотрел на набранную фразу и стёр её. Потом написал длиннее: о доверии, уважении, о том, что иногда неудачно шутит. В конце получилось так, будто Лиза должна была подтвердить: да, он хороший человек, она всё понимает. Лев удалил и это. Она попросила больше так не шутить. Ничего про необходимость

немедленно объясниться она не просила. Он положил телефон экраном вниз. Через минуту перевернул проверить, не написала ли сама.

• • •

Вечером ему позвонил Антон.

— Ты жив?

— Пока.

— Очень содержательно. Пиво?

— Нет.

— Ты заболел?

— Почему?

— Отказ от пива у мужчины нашего возраста — диагностический признак.

Лев рассмеялся.

— Просто домой еду.

— Тогда два вопроса. Первый: кто ты и что сделал с моим другом? Второй: концерт в субботу?

— Какой?

— Вот теперь узнаю. Я тебе ссылку отправлю.

Лев некоторое время молчал.

— Антон.

— М?

— Что хуже: глупая шутка или попытка потом десять минут объяснять, что она была глупой?

— Женщина?

— Я задал философский вопрос.

— Конечно. Особенно по твоей интонации.

— Ответь. В трубке щёлкнула зажигалка. — Ты чего хочешь? Чтобы она поняла шутку или чтобы перестала обижаться? Лев помолчал. — Чтобы не думала обо мне того, чего нет. — Тогда будешь объяснять долго. Я в первом браке всё пытался доказать, что меня неправильно услышали. Очень утомительный был человек.

— Практическая психология.

— Именно. И значительно дороже твоих книг.

Лев рассмеялся.

— Спасибо.

— Лев.

— Что?

— Я не спрашиваю, кто она.

Улыбка исчезла.

— Почему решил, что «она»?

— Потому что ты никогда не переживал так из-за мужской обиды.

— Очень научно.

— Я знаю тебя почти тридцать лет.

— И? — И слышу, как ты уже третий раз собираешься сказать «просто». Лев открыл рот и закрыл. — Ладно. Ссылку на концерт пришли. Антон не стал возвращать его к разговору.

• • •

Лизе он в тот вечер не написал.

Она тоже.

Утром Лев приехал к пекарне на пятнадцать минут раньше.

Сам себе сказал, что случайно.

Даже мысленно прозвучало неубедительно.

Лиза появилась около восьми.

Увидела его.

На секунду остановилась.

Потом подошла.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Ты сегодня рано.

— Исправляю репутацию.

— Какую именно?

— Пока не решил.

Она почти улыбнулась.

Почти.

Лев не стал садиться.

— Можно минуту?

Лиза посмотрела на часы.

— Можно. Он приготовил целую речь, но Лиза стояла с сумкой на плече, не снимая пальто, и речь внезапно показалась непомерно длинной. — Ты рассказывала про свой вечер, а я сделал вид, что ты меня зовёшь. Прости. Он едва не добавил «это же была шутка». Прикусил щёку и замолчал.

Она опустила взгляд.

— Мне не сама фраза так не понравилась.

— А что?

— То, что на секунду мне показалось, будто ты всё наше общение воспринимаешь именно так. Лев вспомнил, как она говорила о пустой кухне. Тогда он услышал прежде всего, что мужа нет дома. Теперь ему было неприятно вспоминать собственную быстроту. — Нет, — сказал он. — Но понимаю, почему тебе так показалось. — Лев, ты можешь не доказывать, что у тебя исключительно благородные намерения. Он опустил глаза. — Я хочу иметь возможность сказать, что одна дома, — продолжила она. — Или что устала от всех. Просто сказать. — Понял. Он хотел обещать, что никогда её не разочарует. Вместо этого отступил от прохода: к стойке подошла женщина с ребёнком.

— Ты репетировал?

— Полночи.

Она впервые улыбнулась.

— Заметно.

— Очень плохо?

— Чуть-чуть.

— Всё. Увольняюсь из переговорщиков.

— Метрополитен переживёт?

— Сомневаюсь.

Напряжение начало уходить.

Лиза взяла со стойки пакет с круассаном. — Я сегодня возьму с собой, — сказала она, кивнув на пакет. Леву хотелось предложить всё-таки посидеть. Вчера он испортил ей утро; сегодня очень нуждался в хорошем, которое отменило бы вчерашнее. — Хорошо. Лиза застегнула сумку, но не ушла сразу. — Мне ещё немного неловко. — Мне тоже. — У тебя хотя бы по заслугам. Он усмехнулся. — Справедливо. Она придержала ему дверь. На улице они пошли рядом.

• • •

Мещерск был удивительно ясным. Ночью прошёл короткий дождь, и город казался вымытым: листья лип блестели, асфальт на площади ещё хранил влагу, а с реки тянул прохладный ветер.

Лиза отломила от круассана кусок.

Протянула Льву.

— Будешь?

— Это взятка?

— Нет. Проверка.

— Какая?

— Умеешь ли ты принимать подарки без психологического анализа.

Лев взял кусочек.

— Результат?

— Неудовлетворительно.

— Я даже ничего не сказал.

— По лицу видно.

— Ты начинаешь слишком хорошо меня знать.

— Сочувствую себе.

Он рассмеялся. У края тротуара Лев шагнул в сторону, пропуская велосипедиста, и на миг оказался совсем близко к Лизе. Она не отстранилась, но и сама не сократила расстояние. Он доел кусочек круассана. Масло осталось на пальцах; Лиза молча протянула салфетку.

У перекрёстка Лиза остановилась.

— Мне сюда.

— Знаю.

— Лев.

— Да? — Я сегодня всё-таки пойду в кино, — сказала она. — Вчера час выбирала, сегодня купила билет. — На что? Лиза назвала фильм. — Опять страдать два часа? — Полтора. Я оптимизировала. Он рассмеялся. На секунду захотелось спросить, один ли у неё билет. Не спросил. — Расскажешь потом? — Если будет о чём.

Она развернулась и пошла к своему офису.

Через несколько шагов обернулась.

— И хорошего дня.

— И тебе. Лев пошёл к машине. Утро не стало таким, будто вчера ничего не произошло. Лиза ушла одна, в кино собиралась одна, и он не знал, напишет ли она вечером. В кабинете его ждала заявка на кабель. В строке «согласовано» пока было пусто. Он положил её рядом с телефоном и занялся работой.

ГЛАВА 8 Дорога

Первый снег в Мещерске выпал в ноябре, через несколько месяцев после того утра у пекарни. Мокрый, тяжёлый, к рассвету он превратил дороги в серую кашу.

К семи утра город уже стоял.

Фуры

буксовали

на

подъёме

возле промышленной зоны, дворники размазывали грязь по лобовым стёклам, на остановках люди втягивали головы в воротники и смотрели на забитые автобусы с выражением личной обиды.

Лев любил такие утра значительно меньше, чем снег.

Он включил обогрев лобового стекла и посмотрел на навигатор.

До Москвы — три часа сорок минут.

Без пробок было два двадцать.

— Прекрасно. На телефоне высветилось сообщение Лизы: «Ты уже уехал?» Лев стоял на парковке с работающим двигателем. Он ответил: «Через десять минут». «Я тоже сегодня в Москву». «Зачем?» «Семинар. Бухгалтеры тоже иногда покидают подвалы». «Думал, вас выпускают только в конце квартала». «Очень смешно. Электричка через сорок минут. Если она вообще сегодня решит существовать». Лев посмотрел маршрут. Её офис находился почти по дороге. «Могу забрать. К какому времени тебе нужно?» «К одиннадцати. Но тебе неудобно». «Мне к половине двенадцатого. Пока успеваем. Забрать у офиса?» Она ответила не сразу. «Давай. Только я с круассаном». «Условие перевозки?» «Предупреждение о рисках для салона». Он проверил время ещё раз и только потом выехал.

Она вышла через двадцать минут.

Длинное тёмное пальто, светлый шарф, волосы собраны небрежно, будто утром она несколько раз пыталась решить, оставить их распущенными или нет, и в итоге проиграла.

В одной руке сумка.

В другой — бумажный пакет.

Лев разблокировал двери.

Лиза села рядом и сразу поставила пакет между ними.

— Доброе утро.

— Доброе.

Она посмотрела на стакан в подстаканнике.

— Ты опять с кофе.

— Представь себе.

— Когда-нибудь твоё сердце подаст на тебя в суд.

— А у тебя?

Она подняла небольшую бутылку.

— Вода с мёдом.

Лев посмотрел на неё.

— Вот сейчас я окончательно почувствовал себя человеком с неправильной жизнью.

— Наконец-то.

Он тронулся.

Мещерск медленно проплывал за окнами: девятиэтажки, шиномонтаж, круглосуточная аптека, детский сад за металлическим забором, вывеска пекарни, мужчина с лопатой возле магазина.

Вдалеке поднимался пар над трубами теплоэлектроцентрали.

Лиза смотрела в окно.

— Ты любишь этот город?

Лев задумался.

— Никогда не думал.

— Ты вообще удивительно мало думаешь о простых вопросах.

— Я думаю о сложных.

— Например?

— Как заставить четыреста семьдесят человек закончить программу ремонта, которую до меня уже успели сорвать.

— Романтично. — Поэтому меня и везут на переговоры, — сказал он. — А я думала, ты сам себя везёшь. — Формально. Лиза улыбнулась и отвернулась к окну. После того утра в пекарне они снова шутили, иногда подолгу. Но теперь Лев замечал и моменты, когда она не подхватывала шутку. Не каждое её молчание относилось к нему.

За городом стало свободнее.

Слева тянулись заснеженные поля, справа мелькали посёлки, заправки и огромные складские комплексы. Снег ударял в стекло и тут же превращался в воду.

Лиза включила радио.

Тихая поп-музыка.

Лев переключил.

— Эй.

— Я за рулём.

— И?

— У водителя есть права.

— Только водительские.

Она вернула станцию.

Лев снова переключил.

Лиза посмотрела на него.

— Мы сейчас серьёзно будем бороться?

— Зависит от твоей готовности признать поражение.

Она нажала кнопку.

Вернула музыку.

— Я воспитываю двух мальчиков. Ты действительно думаешь, что можешь выиграть у меня спор из-за кнопки?

Лев рассмеялся.

— Хорошо.

— Вот так бы сразу.

— Наслаждайся своей ужасной музыкой.

— Это хотя бы музыка. У тебя что играет?

— Рок.

— Из какого века?

— Из того, когда люди ещё умели пользоваться гитарами.

— Понятно. Мужчина сорока одного года защищает молодость. — В нашем веке это считалось музыкой, — сказал Лев. — Я помню. Я тоже жила в вашем веке. Он рассмеялся. Лиза увеличила громкость на одно деление и устроилась удобнее. Лев поймал себя на том, что ждёт следующей её реплики.

Впереди появилась вереница красных стоп-сигналов.

— Всё, — сказал он. — Москва прислала привет.

Навигатор добавил сорок семь минут. Лиза достала телефон и проверила расписание электричек. — От следующей станции можно пересесть, — сказала она. Лев уже хотел уверить её, что довезёт вовремя. Но навигатор показывал другое. — Давай доедем до съезда. Если не пойдёт быстрее, высажу у станции. — Хорошо. Ему стало немного обидно, хотя предложил он сам. Лиза ехала на семинар, а не проводить с ним утро; почему-то об этом пришлось себе напомнить. Через полчаса они всё ещё двигались рывками. Лиза достала круассан. — Это весь завтрак? — спросил Лев. — Да. — Надо было взять что-то нормальное. Она посмотрела на него. — Я взяла то, что хотела. Лев отвёл взгляд к дороге. Ещё вчера Маринино «поешь» показалось бы ему распоряжением. Своё он произнёс с полной уверенностью, что заботится. — Кофе будешь? — спросил он и тут же усмехнулся. — Нет, помню. — Прогресс. Она отломила кусок и протянула ему. Машины стояли. Лев наклонился и откусил прямо с края, который она держала. Лиза не убрала руку сразу. — Вообще-то можно было взять. — Да. Он взял остаток пальцами, задев её руку. Впереди тронулась машина. Лев убрал ногу с тормоза; Лиза аккуратно свернула пакет, хотя круассан ещё не закончился.

Они заговорили о книгах.

Это началось с пакета на заднем сиденье.

Лиза заметила корешок.

— Что читаешь?

— Про человеческое поведение.

— Опять?

— Что значит «опять»?

— У тебя все книги либо о том, как управлять собой, либо о том, как управлять другими.

— Очень примитивное описание психологии.

— Зато короткое.

— А ты что читаешь?

— Роман.

— Разумеется.

— Что?

— Ты добровольно покупаешь чужие проблемы.

— А ты покупаешь инструкции к своим.

Лев рассмеялся.

— Красиво.

— Запиши.

— Ручку дома оставил.

— Писатель.

Она произнесла это с лёгкой насмешкой. Лев вспомнил школьный кабинет и смех учительницы. Он много раз рассказывал эту историю как забавную, но сам до сих пор не находил её смешной.

— Знаешь, — сказал он, — я в школе однажды заявил учительнице, что напишу книгу.

— И что она?

— Рассмеялась.

— Очень поддерживающий педагог.

— Она верила, что из меня получится спортсмен.

— А писатель — нет?

— Видимо, это казалось значительно менее вероятным.

— Правильно.

Лев повернул голову.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Ты должна была сказать: «Она ошибалась».

— Зачем? Ты ещё ничего не написал.

Он засмеялся.

— Вот поэтому мне нравится с тобой разговаривать.

Фраза прозвучала сама.

Лиза перестала улыбаться лишь на мгновение.

Потом спокойно сказала:

— Мне тоже.

И отвернулась к окну. Лев уменьшил печку. Лиза заметила, но ничего не сказала. — Семинар тебе самой интересен? — спросил он. — Вторая часть. Про переход на новую систему. У нас все хотят, чтобы стало удобнее, но чтобы ничего не менять. — Знакомо. — Я хочу сама разобраться. А то программу настраивает один человек, и если он заболеет, мы тоже все ложимся. Она открыла письмо с программой, нашла время выступления и убрала телефон. — Тебе нравится, когда без тебя не могут? — спросила она. — В зависимости от того, который час. — А если серьёзно? Он помедлил. — Иногда нравится. Пока не начинают звонить ночью. — Ты же отвечаешь. — Конечно. — Тогда откуда им знать? Лев посмотрел на значок телефона на панели. На прошлой неделе мастер позвонил уточнить то, что мог решить сам. Лев объяснил, вместо того чтобы спросить, зачем тот звонит. Было быстрее. — Сначала сам приучил, — сказал он. Лиза кивнула. За окном показался съезд к станции, но поток наконец ускорился. Навигатор убавил время. — Едем дальше? — спросил Лев. Она сверилась с часами. — Едем. Ещё успеваю. Он улыбнулся, стараясь не слишком заметно. — Что? — спросила она. — Ничего. — Очень наблюдательный человек.

Он вспомнил, сколько раз сам говорил эту фразу.

— Украла.

— Докажи. У Павелецкой Лиза вышла за десять минут до начала семинара. Договорились списаться после: если совещание Льва затянется, она поедет домой электричкой. Он проводил её взглядом до дверей и поехал в офис поставщика.

Совещание длилось почти четыре часа.

На втором часу он уже понимал, что перед ним пытаются красиво продать очередную задержку.

— Мы физически не успеваем дать весь объём в этом месяце, — сказал коммерческий директор.

— Мне не нужен весь объём.

— А что вам нужно?

Лев развернул ноутбук.

— Эти позиции. В такой последовательности.

Мужчина посмотрел.

— Почему именно так?

— Потому что если вы дадите мне всё частями, но не в этом порядке, у меня всё равно будут стоять три состава.

— У нас другой производственный график.

— Меняйте.

— Это невозможно.

Лев улыбнулся.

— Тогда мы оба зря потратили четыре часа. Телефон завибрировал. Игорь прислал сообщение: «Проверь почту. Есть их внутренний график. По нужным позициям окно на следующей неделе». Лев открыл вложение. У таблицы не было подписи, зато рядом с двумя нужными позициями стояли даты готовности. — На следующей неделе у вас есть выпуск по этой группе, — сказал он. — Что мешает выделить наши позиции? Коммерческий директор подвинул к

себе ноутбук. Посмотрел, не касаясь клавиатуры. — Откуда у вас это? Лев выдержал паузу. — Давайте сначала про сроки. Через двадцать минут согласовали отгрузку через девять дней. Лев дождался письма с перечнем позиций и лишь тогда закрыл ноутбук. В лифте он набрал Игоря. — График откуда? — Знакомый у их подрядчика. — Он вообще мог его пересылать? — Лев, ты спросил, можно ли произвести. Теперь знаешь, что можно. Лифт остановился. Двери открылись, но Лев не вышел сразу. — Отгрузку подтвердили письмом, — сказал он. — Вот и хорошо. — Спасибо. Он убрал телефон. Про право пересылать график Игорь так и не ответил. Лев мог позвонить ещё раз. Вместо этого открыл подтверждение поставщика: девять дней, нужные позиции, подпись коммерческого директора. Сегодня этого хотелось считать достаточным.

Лиза ждала его возле кафе.

Снег усилился.

Она стояла под козырьком, обхватив ладонями бумажный стакан.

— Кофе? — спросил Лев.

Она посмотрела с оскорблённым достоинством.

— Чай.

— Проверяю.

— Ты опоздал на двенадцать минут.

— Ты считала?

— Нет. У меня развито чувство времени.

Лев рассмеялся.

— Это моя фраза.

— Теперь общая. В кафе Лиза заказала чай. Лев открыл меню. — И всё? Она подняла глаза. — Я обедала на семинаре. Ты можешь поесть, я подожду. — Я бы суп взял. — Возьми. Когда подошла официантка, Лиза всё-таки спросила, какой суп остался. Заказала маленькую порцию и заметила, как он улыбнулся. — Я сама передумала. Не записывай себе в достижения. — Уже начал. — Вычёркивай. Она сняла пальто. На рукаве осталась наклейка с её именем — пропуск на семинар. Лев прочитал имя и фамилию, машинально, как читал всё вокруг. Лиза отклеила бумажку и положила в сумку. — Полезно было? Она рассказала о докладе, ради которого ехала, и о вопросе, который всё-таки задала из зала. Говорила быстрее обычного, рисовала пальцем на столе порядок действий. Лев слушал. В этой истории он ничего не мог для неё решить, и ему нравилось, как она рассказывает. После ужина, ещё на стоянке у кафе, Лиза сняла шарф. На стоянке перед выездом она распустила волосы и убрала резинку в сумку. Лев задержал взгляд. — Что? — Ничего. Она поправила прядь, но не стала убирать волосы обратно. Когда выехали на трассу, началась настоящая метель. Лев смотрел только вперёд. Ветер бросал снег поперёк дороги. Лиза убавила музыку, и это молчание постепенно стало ближе их утренних разговоров. На очередной медленной остановке он почувствовал, как она смотрит на него. — Устал? — Немного. — На следующей заправке остановимся? Ему хотелось сказать, что доедет без остановок. Но пальцы уже затекли от руля. — Остановимся.

На заправку они свернули ближе к полуночи.

До Мещерска оставалось около часа.

Внутри пахло выпечкой, кофе и дешёвой автомобильной химией.

Лиза взяла чай.

Лев — кофе. У кассы лежали круассаны. Лев положил один рядом с её стаканом. — Я не хочу, — сказала Лиза. — Завтра съешь. Она не потянулась за пакетом. Лев посмотрел на него, потом на неё. Попросил кассира убрать круассан. За маленьким столом у окна он обхватил ладонями горячий стакан. — Старая привычка, — сказал он. — Какая? — Решать заранее. Чтобы потом не оказалось, что чего-то не хватило. — Я умею покупать себе завтрак. — Знаю. Лиза отпила чай. — Иногда мне нравится, что ты замечаешь. Но не каждый раз надо что-то делать. Он кивнул. За стеклом водитель фуры стряхивал снег с зеркала. Лев смотрел на

него и думал, как легко согласиться с Лизой сейчас и как трудно будет завтра не повторить всё сначала. — До дома ещё час, — сказала она. — Посидим десять минут? Они посидели пятнадцать.

В Мещерск въехали после часа ночи.

Снег почти закончился.

Город был пустым.

Белые дворы.

Редкие окна.

Жёлтые фонари.

Магазин «24 часа», возле которого курили двое таксистов.

Дворники ещё не успели очистить дороги, и машина тихо шла по свежему снегу.

Лиза стала говорить тише.

Наверное, потому что ночь всегда меняет голос.

Лев подъехал к её дому.

Обычная многоэтажка.

Несколько машин во дворе.

Детская площадка, почти полностью занесённая снегом.

Он остановился.

— Доставлена.

— Даже живая.

— Сервис.

Она не торопилась открывать дверь.

— Спасибо.

— За дорогу?

— За день.

Лев посмотрел на неё.

Лиза тоже смотрела.

Несколько секунд.

Ни один не отвёл глаза сразу.

В салоне тихо работал двигатель.

Снег таял на лобовом стекле. Лев посмотрел на её губы. Ему захотелось наклониться — на несколько сантиметров, которых потом уже нельзя будет не заметить. Лиза коснулась застёжки сумки, не отводя глаз. Он не знал, ждёт ли она движения или боится его. Раньше ему казалось, что такие вещи можно понять без слов. Он остался на месте.

— Спокойной ночи, Лев.

— Спокойной ночи.

Она открыла дверь.

Холодный воздух ворвался внутрь.

Лиза вышла, захлопнула дверь и прошла несколько шагов.

Потом обернулась.

Помахала рукой.

Лев ответил.

Она исчезла в подъезде.

Он ещё секунд десять сидел на месте.

Только потом тронулся. У собственного дома Лев заглушил двигатель. Вспомнил, как Лиза рассказывала о вопросе на семинаре, как забрала у него радио. Как он убрал круассан у кассы — и почему этот пустяк до сих пор хотелось засчитать себе в заслугу. На телефоне были два сообщения Марины. В первом она спрашивала, где он; на него он ответил с заправки. Во втором: «Ужин в холодильнике. Разогрей». Он написал: «Доехал». Задержался в машине ещё

на минуту. День закончился, а ему хотелось продлить какую-то его часть, которую он не собирался рассказывать дома. Телефон загорелся. Лев ожидал увидеть её имя, но написал Игорь: «Завтра приходи пораньше». Следом пришло: «По двести восемнадцатому составу всплыло кое-что серьёзное. Пока никому не говори». Лев перечитал сообщение и ответил: «Буду к семи. Документы пока не меняйте». Потом вышел из машины. Под ногами хрустнул снег. В квартире его ждали оставленный ужин и несколько часов сна.

ГЛАВА 9 Подпись

В шесть сорок пять утра ремонтная площадка метрополитена выглядела почти красивой.

Ночью снег закончился. Над промышленной зоной висело бесцветное зимнее небо, трубы ТЭЦ выпускали густой белый пар, а фонари вдоль проходной ещё не успели погаснуть. Рабочие шли от парковки к корпусам, втянув головы в куртки. Кто-то курил на ходу, кто-то нёс термос, кто-то уже разговаривал по телефону так громко, будто рабочий день начался несколько часов назад.

Лев припарковался возле административного корпуса. Он провёл на парковке несколько секунд с закрытыми глазами. После ночной дороги спал меньше четырёх часов. В салоне ещё угадывался запах Лизиных духов; Лев машинально повернулся к пустому пассажирскому сиденью. Телефон не подавал признаков жизни. Он убрал его в карман, взял папку и вышел. Мороз защипал лицо.

Игорь ждал возле двести восемнадцатого состава.

Рядом стояли Софья и начальник участка.

По их лицам Лев понял: сообщение ночью не было преувеличением.

— Показывайте.

Игорь протянул ему папку.

— Вот акт входного контроля тормозных модулей.

— Вижу.

— А вот номера изделий.

Лев сравнил листы.

Сначала не понял.

Потом поднял глаза.

— Не совпадают.

— Именно. В акте были указаны одни серийные номера. На табличках установленных модулей — другие. Лев наклонился, подсветил маркировку телефоном и сам прочитал цифры.

— Сколько?

— Пока нашли на двух вагонах.

— «Пока» мне не нравится.

— Мне тоже.

Лев прошёл ближе к составу.

Из

ремонтной

канавы

доносился металлический стук. Пахло маслом, железом и холодным воздухом, который каждую зиму каким-то образом проникал даже в огромный отапливаемый корпус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.